

Странник

Игорь Чужин

Огненные дороги Геона

«Центрполиграф»

2010

Чужин И. А.

Огненные дороги Геона / И. А. Чужин — «Центрполиграф»,
2010 — (Странник)

Мир Геона, в который перенесла Игоря Столярова насмешка судьбы, суров и непредсказуем. Героические подвиги и любовь прекрасной девушки оказались только красивой упаковкой для жестокой прозы жизни. Ингар, вознесшийся в своих мечтах на вершину власти и решивший, что стал сказочным принцем, сброшен с небес в сточную канаву гниющим трупом. Его предал лучший друг, и власти Меранской империи разыскивают пришельца-убийцу по ложному доносу. Обгоревший, как головешка, и обезображенный ужасными шрамами, он стал «человеком без лица», которому предстоит непримиримая битва за место под солнцем Геона. В этом сражении им руководит только любовь и жажда мести.

© Чужин И. А., 2010

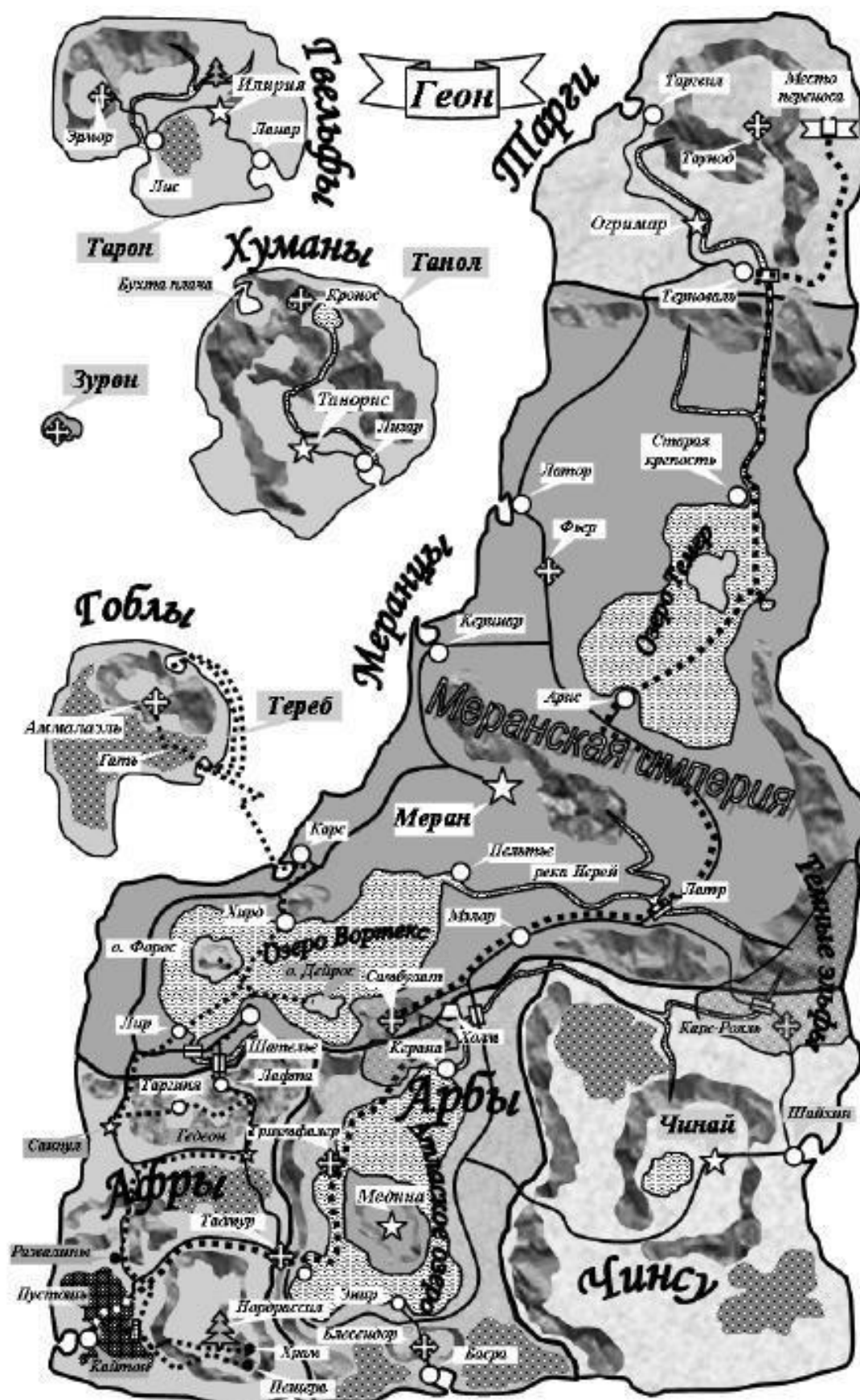
© Центрполиграф, 2010

Содержание

ПРОЛОГ	7
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	42
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Игорь Чужин

Огненные дороги Геона

ПРОЛОГ

Раздолбанные телеги, охраняемые десятком конных ассасинов, тащились по заросшему проселку между стволами вековых деревьев. Скрип колес прерывался щелчками кнутов и руганью возниц. Дорога была ужасной – телеги то и дело застревали в корнях деревьев или колеях, залитых водой. Недавно прошел ливень, и с листьев деревьев на проселок непрерывно падали капли. Жара превратила лес в парную. Влажность была такая, что одежда на телах воинов промокла до нитки.

– Привал! – крикнул седой воин, и телеги свернули на небольшую поляну рядом с дорогой.

Ассасины спешили и начали расседлывать коней. Возницы поставили телеги в ряд и тоже выпрягли лошадей из телег.

– Все, остаемся здесь на ночь, – отдал команду седой ассасин. – Сегодня даже сам дьявол не заставит меня сдвинуться с места. В этом лесу могут жить только мокрицы и афры. Фарух, выстави дозоры и займись едой.

Высокий воин со шрамом на щеке, кивнув, повиновался. Двое воинов ушли в дозор, а остальные приступили к обустройству лагеря.

– Ахмед, старая образина, ты куда подевался? – закричал командир отряда.

– Я здесь, уважаемый Мераб, – откликнулся хромой старик в старой чалме.

– Как там пленный, не подход еще?

– Живой, слава Всевышнему, но он очень плох и, наверное, скоро умрет.

– Умрет, говоришь? Тогда светлейший Фархад тебя на кол посадит, а не этого хумана.

– Все в руках Всевышнего! Я делал все, что мог. На этом хумане места живого нет, нога сломана и гниет, он весь обгорел. Здесь видящая нужна, а не простой лекарь.

– Ладно, успокойся. Пойдем посмотрим на твоего подопечного.

Мераб с лекарем подошли к последней телеге. Ахмед откинул рогожу, под которой лежал раненый пленник. На них пахло смрадом разлагающегося мяса, и Мераб невольно отшатнулся.

– Ты что это, старый козел, совсем с ума сошел? – заговорил сквозь зубы седой ассасин, схватив старика за горло. – Живой, говоришь? Хуман давно сдох и протух, его черви уже едят, а ты мне голову морочишь.

– Господин, он живой, – засипел Ахмед. – Я хуману специально ногу разрезал, чтобы гной выходил, а черви рану чистят.

– Черви рану чистят? Тебя самого сейчас черви жрать будут, если ты этудохлятину из каравана не выкинешь. Ты заразу в отряд притащить хочешь? В этом аду любая царапина гниет, нам только чумы не хватало. Бери Назима, оттащите труп подальше от лагеря и бросьте в канаву.

– Господин, меня визирь на кол посадит, если я к нему хумана не привезу, вы же сами только что сказали, – взмолился лекарь.

– Мне плевать, что он с тобой сделает, – зарычал воин. – Нам еще две недели по лесу тащиться, покуда к горам не выйдем. Кругом дикари и зверье хищное, мы сами подохнуть можем в любую минуту, а ты покойника мне предлагаешь на горбу таскать?

– Нет, господин, я только хотел... – начал лекарь.

– Назим, помоги этому идиоту, – прервал оправдания старика Мераб и пошел в сторону костра.

Воины вновь впрягли лошадь, и телега, поскрипывая колесами, затряслась по дороге в сторону оврага.

– Стоп, приехали, – сказал лекарь и остановил лошадь. – Бери его за плечи, а я возьму за ноги.

– Тяжелый, зараза, – произнес Назим, сбросив труп в овраг. – Ахмед, выбрасывай все барахло из телеги, я эту дрянь больше не повезу.

Старик выкинул из телеги подстилку и рогожу, которой был накрыт хуман, и телега отправилась назад в лагерь.

* * *

Скрип тележных колес стих за поворотом, и в лесу воцарилась первозданная тишина, только шум капли и крики птиц раздавались в глубине леса. В кустах послышался треск сломанной ветки, и из них высунулась синяя клыкастая рожа. Рожа повела бульдожьим носом и чихнула. Следом за головой из кустов появился и весь здоровенный шак в рваной одежде. Шак, приняв себя, быстро направился на запах разложения в сторону оврага.

Первый остановился на краю оврага и посмотрел вниз. На дне промоины возле ручья лежало изломанное тело человека. Шак быстро спустился вниз, хватаясь за ветки кустов, растущих на склоне оврага. Человек лежал лицом вниз и не подавал признаков жизни. Первый осторожно перевернул тело на спину и заплакал. Перед ним лежал его хозяин Ингар, который был для Первого единственным родным существом на всем белом свете. Шак разорвал лохмотья на груди Ингара и приложил к ней ухо. Даже звериный слух Первого не сразу уловил слабое биение сердца. Тук-тук, тук-тук – прерывисто стучало сердце дорогого для него человека.

Шак оторвал кусок своей рубахи и, намочив его в ручье, стал протирать лицо хозяина. Вода смочила потрескавшиеся губы, и изо рта Ингара раздался хрип. Первый положил голову хозяина себе на колени и начал капля за каплей вливать воду ему в рот. Ингар поперхнулся, но начал глотать воду. Дыхание раненого стало шумным и прерывистым, тело начали сотрясать рвотные позывы. Шак повернул Ингара на бок, и на траву из желудка хозяина хлынула черная струя. Первый несколько раз поил Ингара, но каждый раз вода выливалась обратно из его рта. Наконец рвота прекратилась, и хозяин затих. Шак взвалил тело человека себе на спину и отправился в глубину леса.

Глава 1

Я ВСЕ-ТАКИ ВЫЖИЛ

Небольшое стадо оленей вышло на берег лесного ручья на водопой. Старый самец стоял на берегу и вслушивался в звуки леса, стараясь обнаружить опасность. Две молодые оленихи с тремя маленькими оленятами пили воду из ручья, доверив свою безопасность самцу. В лесу треснула ветка, и самец, сорвавшись с места, бросился вниз, увлекая свое стадо на другую сторону ручья. Все олени благополучно выскочили на другой берег и скрылись в кустах, только самый маленький не смог допрыгнуть до спасительных кустов на высоком берегу. Копыта олененка соскользнули по глине, и он сорвался в воду. Последнее, что отпечаталось в его маленьком мозгу, это ужасное чудовище с огромной дубиной. Маленькое сердце отчаянно забилося в груди и разорвалось от страха.

Первый удивленно смотрел на неподвижное тельце, он готовился к погоне или драке, а на то, что добыча умрет от страха, не рассчитывал. Шак вытащил на берег добычу и впился зубами в ее горло. Охотник знал, что люди не любят, когда шаки пьют кровь убитых животных, и строго наказывали за это, но здесь, в лесу, он не мог отказать себе в удовлетворении древнего инстинкта. Первый находил для себя оправдание в том, что в лесной пещере его ждет больной хозяин, которому нужно протертое мясо и наваристый бульон, а кровь, сразу не спущенная из тела добычи, портит мясо. Второй отмазкой было то, что так он экономил мясо, утолив аппетит горячей кровью. Взвалив добычу на плечо, шак отправился к пещере, где его ждал хозяин.

Я сидел на шкуре какого-то зверя у входа в пещеру и ковырялся в ране на ноге. Мне удалось снять лубки, в которые упаковал сломанную ногу Первый, и очистить с нее грязь и коросту. Нога под повязкой страшно чесалась, и мое терпение лопнуло. Первый железной рукой пресекал все попытки своего хозяина заняться самолечением, поэтому мне пришлось ждать, когда он уйдет на охоту.

Прошел целый месяц с того дня, когда шак, практически мертвого, притащил меня в эту пещеру. Сейчас я как раз и сидел на шкуре прежнего владельца этой жилплощади. Первые десять дней в пещере почти полностью стерлись из памяти, в мозгу остались только отрывки какого-то полубреда. Память окончательно ко мне вернулась, когда Первый устроил банный день на берегу ручья, протекающего рядом с пещерой. Прохладные струи воды вернули мое сознание в мир живых, и с этой минуты я медленно пошел на поправку. Единственной частью тела, до этого не подвергавшейся санобработке, была сломанная левая нога.

Последствия перелома и ожогов практически полностью уничтожили мои магические способности. Большой внутренний запас Силы дал моему брэнному телу возможность продержаться на этом свете до того момента, как меня нашел Первый. В дальнейшем вся забота о моем лечении легла на плечи шака. Этот громила оказался нежней и заботливей иной родной матери. Первый кормил меня с ложечки, обихаживал, обмывал, убирал за мной дерьмо, согревал по ночам своим телом. Шак оказался не только хорошим кулинаром, но и отличным лекарем, его отвары из найденных поблизости трав и корней вытаскивали меня с того света.

Моя удивительная живучесть объяснялась еще и тем, что вся энергия Силы, накапливаемая естественным путем, тратилась на лечение материального тела. В результате этих причин аура тела стала практически незаметной. Уходя в транс в попытке отыскать источник Силы, я убеждался в том, что магическое зрение не выходит за пределы вытянутой руки. С моим биологическим телом также оказалось далеко не все в порядке. Внутренние органы имели различные повреждения, в нескольких местах мышцы были разорваны, кожа покрыта ожогами и

язвами. Печень получила какое-то токсическое отравление и практически не очищала кровь. Я из накачанного здоровяка превратился в скелет, обтянутый кожей.

Усилиями Первого мне удалось сохранить левую ногу, кость правильно срослась, и теоретически я мог ходить. Главная беда была в том, что мышцы и сухожилия на ноге были разорваны на куски, – фактически я стал инвалидом. Если в ближайшее время мне не удастся найти источник Силы, то неизвестно, насколько хватит моих способностей к регенерации. Для того чтобы найти место для подзарядки, необходимо выйти из пещеры и просканировать территорию, а для этого нужно уметь ходить.

– Это что ты тут делаешь? Прекрати немедленно, я не давал тебе разрешения снимать лубки, – прервал мои размышления голос вернувшегося шака.

– Первый, пожалуйста, не ругайся, кость у меня уже срослась хорошо, а нога чесалась неимоверно.

– Мог меня подождать, я бы сам снял лубки и обработал ногу. Теперь сиди и жди, пока я еду приготовлю и займусь тобой.

Я покорно вздохнул и стал дожидаться обеда. Наши отношения с Первым претерпели разительные изменения. В начале нашего знакомства я был полновластным хозяином и работладельцем. Мое доброе отношение к шаку являлось заботой хозяина о любимой собаке, и только. Я запросто мог продать своего раба или прибить в порыве гнева. Теперь же Первый стал для меня отцом, матерью и братом одновременно. Шак полностью открылся мне, и я понял его как человека. Первый имел незаурядный практический ум и смекалку, память у него была феноменальная. Пусть шаку не доступен бином Ньютона, но в практических делах он мог дать любому сто очков вперед. Первый знал, наверное, все о бытовой стороне жизни. Любую возникающую проблему он решал щелчком двух пальцев. Каждый день я узнавал от него что-то новое и учился выживать в этих непростых условиях.

Через час шак закончил приготовление пищи, и мы приступили к еде. Первый с помощью одного только ножа изготовил посуду и все предметы в пещере. Благодаря его трудам мы с комфортом устроились в берлоге неведомого мне животного. На мои расспросы о звере, которого он убил, решая квартирный вопрос, шак отвечал односложно, что не знает этого зверя, потому что раньше не встречал. Если судить по шкуре, то зверь был размером с бегемота и клыки с когтями имел огромные. Способ охоты на него Первый описывал просто:

– Дал дубиной по башке, вот зверь и умер.

Не дай бог попасть под удар его дубины. Обладая огромной физической силой, шак мог одновременно выполнять и тонкую работу. Одежда, сшитая Первым для меня при помощи костяного самодельного шила и ремешков кожи, выглядела вполне пристойно, Юдашкин отдыхает.

Закончив с едой, мы приступили к лечению моей ноги. Первый приготовил отвар из трав и начал им ее обрабатывать. Корка на ранах намокла и отвалилась, раны очистились, и мне стали видны последствия травмы. Нога иссохла и стала в два раза тоньше, чем правая, в двух местах в ране виднелась кость. От такого зрелища у меня закружилась голова, и я едва не свалился в обморок. Первый, проведя очистку раны, обильно смазал ее какой-то вонючей мазью и забинтовал куском чистой тряпки. Довольно хмыкнув, шак закончил свою работу.

Мне не терпелось встать на ноги, но без костылей это было невозможно. После подробных объяснений, что такое костыли, Первый взял нож и ушел в лес. Вскоре он вернулся с охапкой палок. Через два часа я стал обладателем отличной пары самодельных костылей. Первый подогнал палки по длине, и мы попытались поставить меня на ноги. Со второй попытки шаку это удалось, и я захромал по пещере. Первая тренировка заняла около часа, и я, довольный успехами, сел на шкуру возле выхода из пещеры.

Первый занялся бытовыми делами, а я задумался о своих перспективах.

«Начнем по порядку, – начал рассуждать я. – Что мы имеем на данный момент? Мы имеем одноногого инвалида и шака без денег и оружия. Первый спрятал деньги и метатель в какой-то башне на краю пустоши, после того как потерял лошадь, отравившуюся водой из реки. Мой конь тоже подох, покончив с собой тем же способом. Тащить все вещи на себе Первый не мог, любой встречный отобрал бы у бесхозного шака все ценное. Башню, где спрятаны ценности и метатель, он запомнил хорошо и описал, как ее найти. Метатель без камней Силы был бесполезен, а до денег – как до Пекина. Главная задача на текущий момент – это найти луч Силы и зарядить ауру. От этого зависит моя дальнейшая жизнь. Я надеялся, что мне с помощью Силы удастся вылечить раны и привести себя в дееспособное состояние. Если лечение не удастся, то останется только вешаться». За этими невеселыми мыслями время подошло к ужину. Поев, я стал приставать к шаку с расспросами:

– Первый, расскажи, как ты меня нашел и что произошло после взрыва в пустоши?

– Я же тебе уже рассказывал, как дело было, – начал отпираться шак.

– Ты расскажи подробно день за днем, а не с пятого на десятое. Я тоже не все помню, что ты мне рассказывал, в каком я был состоянии, ты знаешь.

– С чего начать?

– Начни с того момента, как взорвался метатель.

– Когда началась стрельба, я отъехал подальше в пустошь и спрятался в овраге. Овраг был неглубокий, и моя голова возвышалась над землей. Сначала стрелял ты, потом начали стрелять ассасины. Когда первый раз грохнуло на скале, я подумал, что тебя убило, и очень испугался. Потом ты снова начал стрелять, и я успокоился. В это время на скале вновь полыхнуло, и я увидел, как ты скачешь на лошади в пустошь. Затем раздался страшный взрыв, и скала разлетелась на куски, волна огня дошла почти до моего оврага. После взрыва с неба посыпались камни и пепел. Как я выжил в этом аду, не знаю. Мне пришлось ждать два часа, пока осядет пыль, вокруг стало темно, как ночью. Только я хотел выбираться из оврага, смотрю, десять ассасинов веером растянулись и скачут в ту сторону, куда ты поскакал. Это они твои следы искали, понял я потом. Дождавшись, когда они отъедут, я поскакал следом за ними. Зрение у шаков лучше, чем у людей, ассасины меня не заметили, а я их постоянно видел. Потом воины на твой след наткнулись и поскакали по нему. Ты почти сутки их по пустоши водил, петляя, как гвельф по лесу.

– Это не я, это лошадь моя петляла, я уже почти без сознания был, – объяснил я Первому.

– Вечером следы привели к трупам твоих лошадей. Ассасины уже тебя забрали и уехали. Догнать их ночью мне не удалось, след потерялся в темноте, и пришлось дожидаться утра. Перед рассветом меня сон сморил, а лошадь воды из реки напилась. Следы я сразу утром нашел и поскакал за вами. Ассасины из пустоши в лес поскакали, а у меня лошадь пала. Пришлось вещи на своем горбу за ними тащить и прятать в развалинах башни на краю пустоши. К полудню я управился и налегке по следу побежал. К вечеру вышел к лагерю ассасинов и начал высматривать, куда тебя поместили. Случайно увидел, как тебя на телегу положили и какой-то старик над тобою колдует. У меня уже план был, как тебя выкрасть, но тут на лагерь напали, и начался бой. Три телеги и десять воинов в лес отступили, а остальные начали по дороге в другую сторону уходить. Я побежал за телегой, на которой тебя повезли. На следующее утро начался сильный дождь и лил весь день. Из-за дождя я снова потерял твой след. Пока след нашел, пока догнал караван, еще четыре дня прошло. Хотел тебя из каравана выкрасть рано утром, но на эту пещеру наткнулся и со зверем, что в ней жил, подрался. Пока до стоянки каравана добирался, караван уже ушел. К полудню снова почти догнал караван, смотрю, телега навстречу по дороге катит. Я спрятался в кустах, а телега к оврагу поехала. Двое ехавших на телеге людей бросили что-то в овраг, затем телега уехала назад по дороге, и я побежал к оврагу.

Смотрю, в овраге человек лежит, спустился вниз, а это ты и живой. Притащил тебя в пещеру и стал лечить. Дальше ты и сам все знаешь, – закончил рассказ Первый.

– Первый, почему ты от других шаков отличаешься? Ты и ростом повыше, и сильнее, в темноте хорошо видишь. Другие шаки тупые и ленивые, а твои знания меня удивляют.

– А чего тут странного? Маги нас с братом для подземных рудников делали, под землей людей нет, а командовать кто-то должен. Вот они нас как сотников и выращивали. Мы с братом на рудники случайно не попали.

– Как это – делали?

– Маги покупают маленького трехлетнего шака и начинают его переделывать при помощи магии и разных зелий. Чего мы с братом натерпелись, даже передать не могу. Маги потом воспоминания об этом стирают, только все не сотрешь. Мне до сих пор снится то, как меня живьем резали.

– А где шаков выращивают? – поинтересовался я.

– В Таргании нас делают. Тарги в своих стойбищах людских самок в рабстве держат, чтобы они от таргов шаков рожали, а потом в замок Таунод продают.

– Я женщин-шаков не видел, где они? – спросил я.

– Самки шаков умирают при рождении, поэтому у нас нет женщин.

– Значит, ты сын тарга и женщины человека?

– Нет, я сын самки тарга и человека. Поэтому я крупнее и умнее простого шака.

– Тарги своих женщин заставляют шаков рожать? – удивился я.

– Это очень редко случается, только когда кланы между собой воюют. По законам кровной мести мужчин убивают, а женщин под рабов людей подкладывают, чтобы отомстить. Из нас потом маги высших шаков делают. Высший шак только один на сотню рождается.

– Первый, ты сильный и умный шак, почему с братом от хозяина в лес не убежал? Ты вон как хорошо в лесу обустроился.

– Не может шак от хозяина убежать. Маги нам так мозги магией промывают, что мы через месяц без хозяина болеть начинаем и можем умереть. На человека напасть тоже не можем, только по приказу хозяина и то только в магическом ошейнике, если хозяина защищаем. Если шак убьет человека, тоже верная смерть: сначала парализует, а потом дыхание останавливается. Я видел один раз такое, шак случайно человека убил, так пяти минут не прожил.

– А как шак узнает, кто его хозяин?

– Все просто. Когда покупатели в Таунод за шаками приезжают, то нас маги к ним магически привязывают. Купцы потом нас по Геону развозят и продают, а местные маги к новому хозяину привязывают.

– А как ты меня хозяином признал, я ведь тебя не покупал?

– Ты убил хозяина на моих глазах, поэтому стал новым хозяином. Так маги устроили, чтобы шаки в случае смерти хозяина не умирали. Шака можно словом передать другому хозяину, приказав ему это. Потом все равно нужно идти к магам подтверждать привязку. Мы с тобой к магу ходили, он нас с братом к тебе привязал, значит, ты хозяин по закону.

– Это что же получается, те шаки, что с Торвином ушли, теперь умрут?

– Нет, только болеть начнут через месяц, если Торвин на себя не перепривяжет.

– А откуда маг узнает, что Торвин – новый хозяин шаков?

– Шаки скажут, магам не соврешь. Ты шакам приказал с Торвином идти, значит, он может шаков к себе привязывать.

– Первый, если меня убьют, то у тебя будет новый хозяин?

– Ингар, ты не из нашего мира и истинный высокородный. Первых шаков делали истинные высокородные, а к нему шака только один раз привязать можно, и только он может шака отпустить. Если истинный высокородный отпустит шака, то шак сможет жить без хозяина.

– Ты знаешь, как отпускают шака? – спросил я.

– Нет, не знаю, это только истинный высокородный знать может.

– Первый, ты хочешь, чтобы я тебя отпустил?

– И да и нет. Каждый шак мечтает о свободе, у нас много легенд об этом. Но что я с этой свободой буду делать? Бродить остаток жизни в одиночку с дубиной по лесу и бояться каждого шороха? Я и так свободен, пока ты жив. Простой шак без хозяина только месяц проживет, а я могу жить отдельно хоть всю жизнь. Если ты мне прикажешь здесь оставаться, а сам уедешь на другой конец Геона, то я буду жить здесь без проблем. Просто если ты умрешь, тогда и я сразу умру.

– Откуда ты узнаешь, что я умер?

– Я всегда знаю, что ты живой. Мы с тобой магически связаны. Когда следы каравана размыл дождь, я тебя нашел по ниточке, которая нас связывает. Ингар, ложись спать, ты и так еле живой, тебе много спать нужно, – сказал рассерженно Первый.

Я завернулся в шкуру и постарался заснуть. Первый много нового рассказал о Геоне. Оказывается, шаки – продукт генной инженерии и магической обработки. Маги покупают шаков у таргов, а потом кодируют их с помощью магии и изменяют тело под определенные задачи. Получается идеальный раб, с которым нет никаких проблем.

Поэтому шаки и стоят дороже рабов людей.

* * *

– Просыпайся, соня, завтрак остынет, – разбудил меня Первый.

Просыпаться желания не было. Самочувствие за ночь ухудшилось, и меня колотил озноб. Первый почти насильно влил в меня бульон с мелко нарезанным мясом. С трудом проглотив пищу, я снова завернулся в шкуру. Внутренний взгляд показал, что моя печень была на последнем издыхании, и я долго не протяну, несмотря на все усилия Первого. Нужно немедленно подзарядить ауру, пока не поздно. На костыли надежды не было, я и лежал-то чуть живой, а скакать на костылях не мог и подавно.

– Ингар, тебе плохо? – озабоченно произнес шак.

– Первый, ты должен вынести меня из пещеры и, посадив себе на плечи, таскать по округе, пока я не прикажу остановиться.

– Ингар, тебе нужно лежать, а не кататься на мне, тебе и так плохо.

– Первый, ты должен сделать, как я сказал, иначе мы с тобой и недели не протянем. Просто делай, что я скажу, и у нас может появиться шанс выжить.

Шак, плюнув в сердцах, вытащил меня из пещеры. Погода была отвратительная, моросил мелкий противный дождь. Первый завернул меня в шкуру и усадил себе на плечи. Два часа поисков луча Силы ничего не дали. За это время я два раза терял сознание и проваливался в забытие. Первому надоело это бестолковое хождение под дождем, и он насильно понес меня назад в пещеру. Я понял, что если я вернусь в пещеру, то там навсегда и останусь. Меня охватила отчаянная злоба, и я ухватился руками за ветку над головой. Шак не ожидал от меня такого трюка, и мы покатались по мокрой траве к ручью. Ручей оказался довольно глубоким, поглотив нас с головой. Пока Первый выбирался из воды, я плавал пузом вверх, какдохлая рыба. Мое тело начало медленно опускаться на дно, и в этот момент перед моим внутренним взглядом мелькнул луч Силы. Я протянул к лучу руку и попытался настроиться на него. Сильные руки Первого выдернули меня из воды. Я стал отчаянно отбиваться.

– Отпусти меня, гад! – громко заорал я. – Положи немедленно на место!

– Ингар, успокойся, все хорошо! Я сейчас отнесу тебя в пещеру и дам горячего бульона, ты промок и тебя колотит от холода.

– Идиот, ты ничего не понял, я нашел луч Силы, он здесь, под водой!

Первый положил меня на землю, и я на четвереньках пополз к ручью. Мне пришлось ползти вдоль ручья, засовывая голову в воду, минут десять, пока я снова не нашел луч. Мне от волнения никак не удавалось настроиться на подзарядку, руку постоянно отбрасывало в

сторону. Но с каждой попыткой в мою ауру поступал поток живительной энергии. Наконец я настроился на луч, и дело пошло веселее. Моя аура наполнялась Силой, как воздушный шар. Поначалу шарик был маленьким и сморщенным, но постепенно он увеличивался и становился плотнее. Через полчаса моя аура зарядилась полностью. Да, в ауре зияли разрывы и дыры, вокруг левой ноги она вообще отсутствовала. В районе печени находился черный пульсирующий сгусток, который буквально высасывал из ауры энергию. Но моя аура жила и работала. По истощенным и разорванным сосудам потекла энергия, и я захотел есть.

– Первый, тащи меня в пещеру, я есть хочу, – произнес я.

Шак обалдело посмотрел на меня, но молча выполнил требование. Он сразу понял, что вернулся прежний Ингар и шутки кончились. По дороге в пещеру я уловил еще один луч Силы, прямо рядом с входом в нее. Лучик был слабенький, но для меня в моем положении в самый раз.

– Первый, посади меня здесь, у входа, – приказал я и уселся на расстеленную шкуру.

Шак пошел в пещеру за едой, а я снова приступил к подзарядке ауры. Черный водоворот в районе печени высосал уже половину накопленной энергии. Новая подзарядка едва успевала компенсировать эту утечку. Первый вынес мне миску с бульоном и кусок мяса. Сытная еда переломила ситуацию с утечкой энергии из печени. Кровь наполнилась питательными веществами, и водоворот постепенно зачих. Печень, конечно, не восстановилась полностью, но начала выполнять свою функцию. Это я понял по бурлению в животе и огромному желанию уединиться в кустиках с лопухом в руках.

Следующие два дня я только спал, жрал и ползал на четвереньках в кусты. На третий день мне удалось встать на костыли, и процедура хождения до ветра значительно упростилась. Первый едва успевал за моим аппетитом. За неделю я сожрал двух оленей и мешок корешков, похожих на морковь. Мое самочувствие значительно улучшилось, аура приобрела яркий цвет и насыщенность, но ауру левой ноги мне восстановить не удавалось.

То, что вопрос с ногой нахрапом не решишь, до меня дошло только на девятый день, как до верблюда. Я перестал ставить перед собой глобальную задачу мгновенного исцеления. Мои попытки восстановить энергетические сосуды в ноге, поливая их, как из брандспойта, энергией Силы, закончились полным провалом. Тогда, вспоминая, как лечила раны Викана, я начал миллиметр за миллиметром восстанавливать поврежденные ткани ноги. За первый день мучений мне удалось восстановить только два сантиметра мышц и сухожилий, но лечение сдвинулось с мертвой точки. Прошло еще десять дней, пока нога не восстановилась полностью. Мне удалось регенерировать все мышцы и сухожилия, после чего конечность стала работать. До полного исцеления было еще далеко, новые мышцы были слабыми, и мне пришлось ходить с костылем.

На исцеление моих ран ушло больше двух месяцев, и я начал задумываться о дальнейшей жизни. Круг замкнулся, и я пришел к исходному состоянию, в котором попал на Геон. После перехода я тоже был в потрепанном состоянии, но не до такой степени, как сейчас. Мысль разыскать Колина и Викану я отменил сразу. Мой внешний вид в результате ожогов и ранений разительно отличался от цветущего вида прежнего Ингара. Ручеек, в котором я умывался по утрам, был довольно бурным и как зеркало не годился.

Первый говорил мне, что в двух километрах от пещеры есть озеро с теплой водой, и я решил устроить банный день. Шак накопал мыльного корня, сделал лыковую мочалку, и мы отправились к озеру. К этому моменту я уже ходил без костыля, только с палочкой, заботливо изготовленной руками Первого. Помылись мы отлично, мне удалось даже поплавать, но настроение у меня было хуже некуда. Вместо симпатичного лица Ингара из воды на меня смотрела обгоревшая рожа какого-то уродца. Вся левая сторона лица была покрыта рубцами от ожогов, левое ухо наполовину сгорело, от татуировки на левом плече остались одни воспоминания. Ресницы и брови сгорели, лысую голову пересекал безобразный шрам. Вся грудь была покрыта

пятнами ожогов. То, что делалось на спине, я видеть не мог, но это было, наверное, к лучшему. Левая нога стала в два раза тоньше правой и изуродована шрамами.

«Все, парень, о сексе можешь забыть навсегда, с такой рожей нельзя о нем даже и мечтать, – всплыла в мозгу грустная мысль. – Синяя морда шака намного приятнее моего нынешнего вида».

* * *

«Эх, а как все хорошо начиналось, – крутились в голове невеселые мысли. – Красавец-мужчина на лихом коне с метателем под мышкой почти захватил Геон и женился на принцессе. Еще немного, и Ингар Великий сидел бы на балконе замка Аммалаэль и махал ручкой восторженным подданным.

Скромнее нужно быть, юноша, скромнее!» – занимался я самокритикой, параллельно стараясь восстановить обгоревшее ухо.

Прошла неделя с достопамятного купания в озере, которое подтвердило худшие опасения насчет моего внешнего вида. Естественное желание нажраться до потери пульса мне исполнить не удалось по причине отсутствия водки, поэтому пришлось заниматься самоедством. За первые двое суток моя истерика дошла до своей кульминации. Начал я с мыслей о наложении на себя рук и ног, а закончил планами уничтожения Геона с помощью огромной магической бомбы. На третий день дурь из головы стала выветриваться и в ней начали появляться разумные мысли. Поговорка «С лица не воду пить» несколько охладила мои суицидальные настроения.

«А что, собственно, произошло? Ну, отрихтовали мне физиономию, и что из этого следует? Там в пустоши я произносил перед подчиненными пламенные речи и готовился отдать жизнь за свободу угнетенного народа Геона, а сейчас расплакался по испорченной голливудской улыбке. Между прочим, в пустоши остались полсотни убитых ассасинов и цветущий юноша с дырой в печени от моего кинжала. Так что я еще легко отделался», – распекал меня внутренний голос.

Весь этот словесный понос являлся шумовым фоном для действительно серьезного дела – я отрачивал себе ухо. За прошедшие с начала процедуры три дня мне удалось добиться потрясающего результата, и сейчас я вносил завершающие штрихи в процесс регенерации.

Для того чтобы увидеть результат своих трудов, я отправился на озеро. Отражение в воде меня обрадовало и одновременно расстроило. Мне удалось вырастить себе новое левое ухо, оно было правильной формы и размера, но совершенно отличалось от правого. На моей покоцанной физиономии ухо смотрелось как пришитое, взамен утраченного. Меня радовало то, что есть реальная возможность изменить свою потрепанную внешность, но в результате я стал похож на Франкенштейна. Желание отрезать правое ухо и вырастить взамен новое я отменил сразу. Вместо одного, у меня оказалось бы два пришитых уха, что сделало бы рожу еще страшнее. К процессу восстановления внешнего вида нужно подходить комплексно, сначала необходимо удалить старую кожу, а на ее месте выращивать новую, а не ставить заплатки.

Ладно, косметологией займемся позже, а сейчас нужно выбирать из леса.

Первая задача – добраться до заначки, спрятанной Первым в старой башне, решил я.

В тайнике находились панцирь шака, деньги и запасные стрелы. На данный момент из оружия у нас имелись только нож и дубина Первого. Мне тоже необходимо оружие, хотя бы лук. Первый в данный момент занимался его изготовлением. В рукопашном бою у меня шансов не было, а лук мог нас с шаком выручить. Первый изготовил лук английского типа из ветки какого-то дерева.

Процесс подходил к завершению, и оставалось сделать только тетиву и пяток стрел с костяными наконечниками. На мне лежала задача сделать наконечники. Материалом для них

мне послужили когти старого хозяина пещеры, оказавшиеся очень прочными. Тайна хозяина пещеры открылась мне во время одного из моих походов на озеро. Я поначалу сильно испугался, увидев здоровенную тушу зверя, роющуюся в земле неподалеку от меня. Убежать на одной ноге я не мог и постарался спрятаться в кустах. Зверь напоминал помесь огромного муравьеда с бобром и оказался безобидным. Пищей ему служили корни растений, которые он выкапывал своими огромными когтями, а клыки оказались резцами грызуна. После возвращения в пещеру я рассказал шаку о встрече, но мое сообщение энтузиазма у него не вызвало. Первый поведал мне, что у зверя имеется неприятная особенность – он является разновидностью геонского скуска и брызгает на противника вонючей жидкостью. Первому по чистой случайности удалось увернуться от смрадной струи, но от места боя перестало разить только через месяц. Это объясняло полное отсутствие в округе опасных хищников, не выносивших соседства с этой зверюшкой.

Я расположился рядом с пещерой и принялся выстругивать наконечники лучом Силы. Получившиеся заготовки затачивал на ближайшем камне. Результатами упорных трудов стали десять крепких, как камень, наконечников. Первый закончил с тетивой и ушел на озеро за заготовками для стрел, а я занялся кольцом для стрельбы из лука. Материалом для него я выбрал рог оленя. Наши труды закончились поздно вечером, и испытание лука я оставил на утро.

После завтрака шак натянул тетиву на лук, и мы вышли из пещеры. Целью для испытаний было выбрано одинокое дерево в сотне шагов от нас. Я ушел в транс и не торопясь прицелился. Лук у шака получился очень тугим, и мне пришлось натягивать тетиву, помогая себе Силой.

– Мастерство не пропьешь! – похвастался я шаку, направляясь к мишени.

Выстрел удался на славу. Мое тело вспомнило навыки стрельбы из лука, и цель была поражена первым выстрелом. У мишени меня ждало разочарование: стрела глубоко вошла в дерево, и я остался без одного наконечника. С луком шак тоже перестарался, у меня просто не хватало веса, чтобы согнуть лук и снять тетиву.

«Ладно, оставим все как есть, – подумал я. – Сначала шак будет надевать на лук тетиву, а потом и я холку наем».

Подготовка к походу заняла у нас еще три дня. Первый делал запасную обувь и латал нашу одежду. Требовалось время, чтобы запасти еду, сделать колчан для стрел и запасную тетиву. Наконец сборы были закончены, и мы с Первым легли пораньше спать, чтобы отправиться в путь хорошо отдохнувшими.

Глава 2

Я СТАНОВЛЮСЬ НАСТОЯЩИМ ИНДЕЙЦЕМ

После завтрака и подзарядки ауры мы отправились в путь. Первый шел впереди, выбирая дорогу, а я хромал сзади. Палку я выбросил еще неделю назад, чтобы отвыкнуть от нее и тренировать ногу. Шак набрал крейсерскую скорость и скрылся между деревьями. Мне пришлось закричать, чтобы он вернулся.

– Ты головой думаешь? – отчитывал я его. – Ты куда понесся? Я и так еле ползаю, а ты разогнался, как лошадь.

Первый внял моему внушению и умерил пыл. К полудню мы добрались до проселка, по которому проходил отряд ассасинов, выбросивших меня в овраг. От большой нагрузки ноги у меня буквально гудели, и нам пришлось остановиться на обед. Шак занялся костром, а я, сняв обувь, отмачивал гудящие ноги в ручье. Вода приятно холодила ступни, и напряжение уходило из тела. Погрузившись в транс, я начал делать энергетический массаж всего тела. Такой массаж хорошо снимал усталость и помогал наращивать мышцы. После массажа во мне проснулся зверский голод, и плотный обед показался мне легкой закуской.

– Ингар, если ты будешь так много есть, то наши недельные запасы кончатся за два дня и нам придется охотиться через день, – удивленно сказал Первый, глядя на меня.

– Ну и что из этого? Значит, будем охотиться через день, – пожал я плечами.

– Возле пещеры я знал каждый кустик и места водопоя, а здесь мне придется сутками выслеживать добычу.

– Успокойся, охотиться буду я, и еды нам хватит.

– Посмотрим, – ответил шак и с сомнением посмотрел на мою левую ногу.

После обеда мы снова отправились в путь, только уже не по лесу, а по проселку. Идти по дороге мне было значительно легче, и наша скорость увеличилась. Первый по-прежнему шел впереди, изредка оборачиваясь, проверяя мое состояние. Дорога извивалась под кронами вековых деревьев и почти заросла травой. Мне необходимо было восстановить навыки сканирования окружающего пространства, и я все время находился в транс. Поначалу это вызывало у меня некоторые затруднения, сказался многодневный перерыв в «работе» с Силой, и я постоянно спотыкался. Постепенно мне удалось войти в ритм, и контроль над окружающим пространством облегчился. Это как с навыками езды на велосипеде: если научился ездить, то это на всю жизнь.

Постепенно я начал помогать шагу при помощи Силы, облегчая нагрузку на раненую ногу. Такая подпитка позволила мне перейти на бег и даже обогнать шака. Первый удивленно посмотрел на меня и прибавил ходу. Мы бежали с ним наперегонки до самого вечера. Запас энергии в организме за это время сильно истощился, и мне требовалась подзарядка. Кровь, насыщенная питательными веществами и разогнанная по сосудам длительным бегом, значительно ускорила процесс восстановления, и у меня снова прорезался зверский аппетит. В лесу стало темнеть, и мы вынуждены были остановиться.

– Ингар, ты меня загнал, как лошадь, – сказал, тяжело дыша, Первый. – Утром полз, как старик, и меня упрекал в том, что я быстро иду, а сейчас несешься как угорелый. Как это только тебе удастся?

– У каждого свои секреты, – отшутился я.

Место для ночлега мы выбрали между корнями гигантского дерева. Ствол этого лесного патриарха имел более тридцати метров в поперечнике, а корни расходились в стороны, как щупальца огромного осьминога. Между корнями получилось своеобразное ущелье, на входе

в которое Первый развел костер и стал разогревать наш ужин, а я сделал круг вокруг дерева, сканируя пространство при помощи Силы и проверяя обстановку.

Мне приходилось слышать о секвойях, огромных деревьях, растущих в Америке, но этот гигант превосходил все, что я мог себе представить. Ветви дерева начинались на высоте более ста метров от земли, и высоту его определить было невозможно. Листья дерева напоминали листья земного клена, но были значительно больше по размеру. Вся земля вокруг дерева оказалась засыпана плодами, похожими на каштаны, и испещрена следами каких-то животных, явно питавшихся этими плодами. Следы напоминали копыта и пугали своими размерами.

– Первый, ты знаешь, что это за дерево? – спросил я.

– Нет, не знаю, такого огромного дерева я раньше не видел.

– Слушай, я обошел вокруг него и нашел много следов животных, которые, видимо, кормятся плодами этого гиганта.

– Ну и что? Если эти звери едят плоды дерева, то, значит, не едят мяса и нам не опасны.

– Но сюда могут наведаться хищники, которые охотятся на этих зверей. Поэтому ночь может выдаться веселая. Ты будешь дежурить в первую смену, а я под утро.

Мы поужинали, и я завалился спать. Поспать мне не удалось, так как к дереву заявилось стадо геонского аналога кабанов. Вообще геонский животный мир представлял собой странную смесь животных разных геологических периодов, а возможно и миров. В геонских городах я встречал земных собак и кошек, мелких земных птиц. Здесь же, в лесу, Первый охотился на земных оленей. Эти животные соседствовали с доисторическими птеродактилями и совсем ни на кого не похожими зоргами. У меня появилась гипотеза, что эти животные могли быть перенесены из других миров, как и я, а потом размножились. Если на Геон попали люди с Земли, гвельфы и тарги из Срединной земли, а гоблы еще откуда-то, почему из этих миров не могло занести животных и растения. Зверье на Геоне было крупнее земных аналогов и не такое пуганое. Дарвин, открывший закон эволюции, сделал еще одно интересное открытие: в одинаковых условиях одну и ту же пищевую нишу занимают животные, схожие по внешности, хотя и относятся к разным биологическим видам. Таким примером может служить австралийский сумчатый волк, который внешне похож на волка, но биологически даже дальним родственником ему не приходится.

Я это рассказываю потому, что к нам в гости заявили зверюшки, похожие на земных кабанов с костяными панцирями на плечах и голове. У этих кабанов имелись даже пяточки и здоровенные клыки, как у бородавочника. Звери были в полтора раза крупнее кабанов и, как ни странно, хрюкали. Я перешел на внутреннее зрение и стал рассматривать ночных посетителей. Кабанье стадо состояло из двух самцов и пяти самок с десятком поросят. Кабаны оказались зверями ночными и паслись в темноте, которая им не мешала. Пока старшие кормились под деревом, поросята устроили веселую свалку, гоняясь друг за другом. Визг и топот стояли такие, что не заснешь. Поросята ничего не боялись, явно надеясь на защиту взрослых. На земле даже тигр не всегда может справиться с секачом.

На наше счастье, кабаны держались в стороне от костра и нападать на нас не собирались. Я попросил шака натянуть тетиву на лук и положил его рядом с собой. Идиллия продолжалась недолго – на арене появились новые действующие лица, ими оказались пятеро огромных волков с красными, горящими в темноте глазами.

– Блин, накаркал! – выругался я и взял лук.

Волки напали на кабанов с двух сторон, стараясь разбить стадо на части и отогнать поросят от родителей. На поляне под деревом закрутилась круговерть боя. Двое волков имитировали атаку на кабаньего вожака, а трое других старались отогнать в сторону самок и поросят. Волки ловко уворачивались от кабаньих клыков и пытались укусить главаря за живот или за задние ноги.

Волкам удалось отогнать самок с поросятами в сторону, и началась резня. Двое хищников порвали горло одной из самок, а второй перекусили заднюю ногу. Оставшиеся целыми свиньи и поросята бросились врассыпную. Пятый волк оттеснил одного из кабанов в сторону от вожака и наскакивал на него только для вида. Один из волков, занимавшийся свиньями, предоставив право добывать самок с поросятами своему собрату, пришел на помощь волку, сражавшемуся со вторым кабаном. Бой достиг своего апогея. Волки явно побеждали кабанов. Гибель стада становилась только делом времени. Такое развитие событий явно не устраивало нас с Первым. Волки, закончив со свинками, вполне могли напасть и на нас.

Я натянул лук и начал выцеливать вожака волчьей стаи. Выбрать удобный момент мне никак не удавалось, а стрел имелось всего девять, и промахиваться было нельзя. Волкам наконец удалось достать кабана. Один из волков схватил вожака за морду, а второй вцепился ему в пах. Вся эта троица на мгновение застыла в этом положении, и я выстрелил. Стрела попала вожаку волков в холку и вышла через горло. Он выпустил кабана и забился в агонии. Второй волк не ожидал такого развития событий и не успел увернуться от кабаньих клыков, распоровших ему брюхо. Кишки зверя вывалились на землю, и животное, жалобно заскулив, поползло в кусты. Кабан, оставив раненого противника, кинулся на помощь второму самцу. Волки, увидев смерть своего вожака, бросились наутек.

Мы с Первым сидели в тревожном напряжении, спрятавшись за костром, и ждали, чем все это закончится. Вожак, громко хрюкая, метался по поляне в поисках нового противника, и мы боялись, что он нападет на нас. На наше счастье, кабан нашел в кустах недобитого волка и начал рвать его на куски. Визг и грозное его хрюканье продолжались еще полчаса, пока он, пошатываясь, не вышел из кустов на поляну. Но вожак волков все-таки убил своего противника, порвав какую-то артерию в паху кабана, и могучий секач истек кровью. У него подогнулись передние ноги, и зверь, повалившись на бок, затих. Единственный оставшийся в живых кабан, обнюхав умирающего вожака, скрылся в кустах, оставив поле боя нам с шаксом. Вся эта катавасия закончилась далеко за полночь, и толком поспать нам так и не удалось.

Из полудремы меня вывел луч солнца, пробившийся сквозь листву и упавший мне на лицо. Костер погас, и в очаге дымились только уголья.

«Эх, шашлычка бы сейчас с пивом», – возникло в голове странное желание.

Желание было странным потому, что за все время моих странствий по Геону я не встречал напитка, хотя бы отдаленно напоминавшего этот божественный эликсир. Да, пиво я люблю и отдаю ему предпочтение перед вином. Каждый знает поговорку: «Водка без пива – деньги на ветер». Для меня это выражение является вершиной человеческого гения, как и афоризм Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Эта фраза оставит плохонького премьера эпохи Ельцина в веках. Все забудут, кто такой Ельцин и Барак Обама, а Черномырдин останется. Мое нынешнее положение полностью соответствовало этим великим словам. Самым ярким доказательством правоты этого высказывания являлась моя покоцанная рожа и дистрофичная левая нога.

Я потянулся до треска в позвоночнике и встал на ноги. Первый потрошил свинок, доставшихся нам в качестве компенсации за ночное бдение во время звериного побоища, а я подошел к трупам вожак стаи волков. Зверюга лежала на боку, вытянувшись во всю свою трехметровую длину.

– Ничего себе собачка!

Из горла трупа торчал обломок стрелы без наконечника. Поиски наконечника рядом с волком результата не дали.

«Осталось только восемь стрел», – отметило сознание.

– Первый, тебе помочь?

– Не нужно, нож всего один, а ты без ножа ничего здесь не сделаешь.

– Ладно, я тогда пойду погуляю по округе.

Вернувшись к костру, я, забрав лук и оставшиеся стрелы, пошел искать источник Силы для подзарядки. Подходящий луч нашелся возле большого камня, выглядывавшего из земли на склоне холма, поросшего кустарником. Холм мне показался очень странным, вокруг него рос вековой лес, а на его склонах росли только невысокие кусты. Камень, из-под которого выходил луч Силы, носил следы обработки. Желание исследовать холм я пресек со всей строгостью и начал заряжать ауру. Насытив полностью свою энергетическую оболочку, я стал заниматься лечением своих многочисленных травм. Аура у меня восстановилась полностью, но биологические повреждения требовали особого внимания. В печени снова появилась темная тень, в районе шеи и крестца кровотоков тоже был нарушен. Энергетический массаж снял тревожные симптомы, но до полного восстановления было еще очень далеко.

Солнце поднялось высоко, и я должен был возвращаться в лагерь. Полная зарядка ауры Силой значительно повысила дальность обзора моего внутреннего взгляда. Обзорное сканирование неожиданно показало, что волки не ушли из окрестностей нашего лагеря, а остановились на дневку в километре от нас. Волки не перемещались по лесу, а находились на одном месте. Странное поведение животных вызывало у меня тревожные чувства. Нужно рассказать Первому о своих наблюдениях.

– Ингар, где тебя носит? Я уже волноваться начал и хотел идти тебя искать, – встретил меня обиженно шак. – Завтрак уже готов и стынет.

– Я на разведку ходил и обнаружил кое-что интересное. Волки никуда не ушли, они в получасе хода остановились на дневку. Я боюсь, что они могут напасть на нас ночью. Что делать будем?

– От волков не убежишь, они догонят по-любому. Нужно идти к ним и добить стаю, – сказал Первый.

– Как ты себе это мыслишь?

– Не знаю, нужно подумать. Ингар, как ты их нашел?

– Я увидел их ауру, – ответил я.

– Как далеко ты можешь видеть ауру волков?

– За полтора часа хода должен заметить, но это зависит от многих условий. За две тысячи шагов увижу обязательно.

– Как хорошо ты можешь рассмотреть их? – любопытствовал шак.

– За триста шагов могу стрелять вслепую, только по ауре прицеливаясь, и попасть должен, – ответил я.

– Значит, если поближе подойдем, попадешь наверняка?

– Ближе двухсот шагов подходить не стоит. Если ближе подойти, тогда стрелу в полете разогнать и подправить не успею.

– Хозяин, ты можешь стрелу в полете разгонять и направлять в цель? – вытаращив глаза, спросил шак.

– Могу, я так попал в гвельфа на мосту и харуха сшиб. Ты же сам все видел, и с какой стати я снова стал хозяином?

Шак грохнулся передо мной на колени и заголосил:

– Хозяин, я не имею права называть вас по имени. Вы истинный высокородный и маг, – упорствовал Первый. – Я прошу вас простить мою дерзость.

– Первый, ты совсем обалдел?

– Высокородный, покарай меня, я по своей глупости не узнал сына богини Сиды. Я видел все знамения и знаки и не смог распознать их. Я, ничтожный, решил, что спас вас от смерти, и позволил себе сомневаться в вашем могуществе.

– Тебя что, по голове твоей дубиной ударило, с какой стати ты решил, что я сын какой-то там богини? – разозлился я.

– Хозяин, только Эсилдур, сын Сиды, может метать стрелы так далеко, как вы, и управлять ими в полете. Только Эсилдур мог сжигать корабли божественным огнем. В священной книге гвельфов «Пророчество двух Лун» сказано: «Сын богини Сиды пройдет через адский огонь, чтобы искупить грехи живущих под солнцем и возродиться как „Человек без лица“, который не помнит себя».

Ни хрена я попал, прямо сын бога из легенды! Теперь Первого не переубедить никаким способом. Шак и так до пустоши на меня как на бога смотрел, только в пещере начал относиться ко мне как к человеку, а тут знаки и знамения. Стрелы за километр мечу и не мажу. Корабли сжигал. В пустоши через адский огонь прошел. Возродился как «Человек без лица». Ничего о себе не помню. Вот и получается, что я Эсилдур.

Положение мое было хуже губернаторского. В одну секунду я потерял друга и получил фанатика своей персоны. Если Первый на каждом углу будет трезвонить про меня как об Эсилдуре, то распятие на кресте будет самым легким наказанием для самозванца. Геон – мир средневековья и магии, здесь серьезно относятся к легендам и всяким пророчествам. На Земле тоже море всяких мессий и пророков, которым некоторые идиоты верят даже в наше время. Как мне переубедить Первого? В голову пришла, кажется, спасительная мысль.

– Первый, тебе кто рассказал про Эсилдура?

– Никто, хозяин, я сам прочитал в священной книге гвельфов «Пророчество двух Лун». Я выпал в осадок: оказывается, мой шак умеет читать!

– И на каком языке написана книга? – спросил я с сомнением.

– На гвельфийском. Я еще умею читать на меранском и немного на чинсу, – окончательно добил меня Первый. – Я же тебе рассказывал, что маги нас с братом учили как сотников для рудников. Куда нас продадут, к гвельфам, в Меран или Чинсу, они не знали, поэтому и учили читать и писать на трех языках. Шаки из рудников на поверхность не поднимаются, и люди в рудники тоже не спускаются. Все приказы только в письменном виде в шахту опускают, а сотник должен уметь прочитать приказ и ответ написать.

– И что же ты раньше молчал? – задал я вопрос Первому.

– Вы не спрашивали, хозяин, – потупившись, ответил шак.

– Ладно, пошли есть, а то кишки сводит, потом закончим разговор.

Пока я заряжался и следил за аурой волков, Первый приготовил настоящие шашлыки. Не знаю, в чем он ухитрился их вымочить, но вкус был просто обалденный. После подзарядки и энергетического массажа аппетит был просто зверский, и я набил брюхо под завязку. Отдохнув час после еды, я принял решение, как вести себя с шаком.

– Первый, слушай меня внимательно и запоминай. Ты не должен никому рассказывать о том, что ты считаешь меня Эсилдуром. Я под страхом смерти запрещаю тебе это! Ты меня понял?

– Понял, хозяин, – ответил шак.

– А почему ты меня называешь хозяином, а не господином? – поинтересовался я.

– У шаков могут быть только хозяева, господа только у людей.

– Теперь мне понятно, – кивнул я.

Солнце перевалило за полдень, и пора было идти охотиться на волков. Я встал, оправил одежду и перекинул через плечо лук со стрелами. Шак взял свою дубину и тоже поправил амуницию.

– Пошли, – махнул я рукой и, погрузившись в транс, побежал в сторону лежки волков.

Дорога к волчьему логову проходила возле холма по петляющей звериной тропе. Обогнув холм, я окончательно убедился в его искусственном происхождении. На глаза стали попадаться обломки колонн, массивные каменные блоки, затем мы наткнулись на остатки лестницы, ведущей к вершине. Осмотр развалин я решил оставить на потом, а сейчас разобраться с волками. Тропа все ближе и ближе подводила нас к логову, пора было выбирать позицию для стрельбы,

пока волки нас не учуяли. Рядом с тропой росло высокое дерево с кривым стволом, по которому легко было забраться на его вершину. Позиция казалась подходящей, и мы с Первым полезли наверх. В это дерево когда-то давно попала молния, и ветки на самой верхушке были срезаны, как ножом, образуя плоскую площадку. Панорама отсюда открывалась потрясающая. Огромный девственный лес раскинулся до самого горизонта, переливаясь на солнце всеми оттенками зеленого и голубого цвета. Это зелено-голубое море во многих местах было расцвечено целыми полями цветущих деревьев. Вокруг разносились крики птиц и животных, живущих в кронах деревьев. Внизу эти крики слышны не были, деревья и кусты своими листьями приглушали этот радостный шум, как вата. Здесь же, наверху, все звуки разносились далеко и звонко. Над этим великолепием возвышалась крона громадного дерева, окутанного магическим туманом. Этот туман даже вблизи смазывал очертания гиганта, и издали я принял бы его за облако.

«Хватит лирических отступлений, пора приступать к трудам праведным», – подумал я и стал выискивать ауры волков среди леса. Волки нашлись в двухстах метрах от дерева на небольшой поляне. Нам повезло, с дерева даже просматривалась часть поляны, и серьезных препятствий на пути стрел не было. Сделав несколько глубоких вдохов и успокоив таким способом нервы, я стал прицеливаться. Два волка лежали на земле, а один все время бродил вокруг них. Первыми мишенями я выбрал лежащих волков, а затем решил стрелять в бродившего по поляне. Выпущенные мной одна за другой две стрелы попали в цель, и волки забились в агонии. Третий волк мгновенно пропал из виду, я так и застыл со стрелой на тетиве. Через мгновение цель снова оказалась на виду, и я выстрелил. Зверь волчком закрутился на месте, и от него отделилась аура маленького животного.

«Это, наверное, волчонок и волчица», – промелькнула в голове догадка.

Я хотел выстрелить в маленький живой комочек, но рука не поднялась, и мы стали спускаться вниз.

– Хозяин, я понял, что за дерево, у которого мы ночевали, – неожиданно заговорил Первый. – Это Нордрассил – гвельфийское Дерево Жизни. Из его плодов гвельфы делают эликсир долголетия.

– Значит, кабанам, которых порвали волки, лет по пятьсот? – подколот я шака.

– Нет, хозяин, эликсир делают из живых плодов, которые растут на дереве.

– Ты знаешь, как делать эликсир?

– Нет, хозяин, это знают только гвельфы. На Тароне у гвельфов тоже есть Дерево Жизни, но оно еще молодое и приносит очень мало плодов. Эликсира получают очень мало, даже высококородным гвельфам не хватает. А это дерево огромное, здесь плодов на весь Геон хватит.

«Вернемся в лагерь, нужно будет попробовать эти плоды. Может быть, они помогут шрамы залечить?» – подумал я.

Дорога к волчьей поляне много времени не заняла, и скоро мы вышли на нее из леса. Трупы волков лежали там, где их настигли мои стрелы, больше ничего опасного в округе не наблюдалось. Я занялся извлечением стрел из мертвых тел, а шак стал обшаривать логово. Две стрелы мне удалось вырезать из трупов неповрежденными, третья стрела пропала безвозвратно. Пока я возился со стрелами, а Первый исследовал логово, из кустов выкатился пушистый черный комочек и стал, скуля, тыкаться мне в ногу. Это был оставшийся в живых волчонок. Убить его я не смог, и поэтому сделал вид, что не замечаю его.

– Хозяин, в логове никого больше нет, но я нашел там вот эту штуку, – сказал Первый и протянул медальон на цепочке.

Серебристая цепочка оказалась настоящим произведением искусства, ее плетение было выполнено очень сложной многослойной техникой. На золотистом кружке медальона была изображена оскаленная волчья морда. Под изображением проступали какие-то буквы.

– Первый, прочитать можешь? – спросил я.

Шак взял медальон в руки и потер его об рукав куртки.

– Малхус, – прочитал Первый и выронил медальон из рук. – Хозяин, это не простые волки, а малхусы.

– Что за малхусы? – переспросил я.

– Малхусы – это гвельфийские волки, выведенные при помощи магии. Эти волки охраняют Дерево Жизни. Малхусы разумны, как люди, и с ними можно разговаривать внутренним голосом. Это большая удача, что вам удалось убить волков. Вчера ночью малхусы приходили не на кабанов охотиться, а убивать нас.

– Значит, мы вовремя разделались с оставшимися волками. Пошли отсюда.

– Погодите немного, хозяин, я клыки у малхусов повыбиваю, а потом ожерелье из них сделаю. Такое ожерелье как оберег работает, другие хищники стороной нас обходить будут.

Первый взял камень и направился к волкам. Я внимательно осмотрел медальон и, не имея карманов на одежде, надел его себе на шею. За это время шак выбил клыки из пастей малхусов, и мы направились по тропинке в сторону холма. За мной, тихо поскуливая, увязался волчонок.

Глава 3

ГВЕЛЬФИЙСКИЙ ХРАМ

Зачем мы поперлись на этот холм, приключений на свою задницу не хватает? – проклинал я себя, стоя на вершине холма. – Дуракам закон не писан, всю одежду изодрал об эти колючки».

Любопытство, заставившее меня лезть на холм, как обычно, вышло боком. Кустарник, которым заросла разрушенная лестница, имел на своих стеблях острые, как бритвы, колючки. Как я ни старался избежать ущерба для своей одежды, этого мне сделать не удалось. Две дыры на штанах, через которые просвечивала моя пятая точка, являлись платой за дурость. Теперь нам с Первым придется застрять здесь для ремонта амуниции. В довершение к разорванным штанам мне достались многочисленные порезы на руках. Порезы были мелкими, но сильно зудели и кровоточили. Мне пришлось сесть на камень и заняться самолечением при помощи Силы. Процесс исцеления был бесцеремонно прерван приблудившимся волчонком. Звереныш своим шершавым, как наждак, языком начал вылизывать мои раны.

– Брысь отсюда! – отогнал я волчонка и снова погрузился в транс.

Фокус не удался, стоило мне только закрыть глаза, как щенок снова начал облизывать мою руку. Процесс лечения превратился в веселую потасовку. Щенок, гавкая, как лисица, прыгал вокруг меня, а я пытался схватить его за шкирку.

– Хозяин, идите сюда я, кажется, что-то нашел, – отвлек меня от забавы с волчонком голос шака.

Первый, в отличие от меня, каким-то чудом ухитрился не повиснуть ни на одной из злополучных колючек и уже занимался исследованиями развалин. Я отогнал от себя маленького задиру и пошел на голос. Первого я обнаружил возле развалин небольшой постройки. Каменная плита, служившая зданию крышей, обрушилась не полностью, а одной стороной удержалась на опорах. В результате этого вход в здание не был завален полностью.

– Ну и что там у тебя? – спросил я шака.

– Сами посмотрите, хозяин, – ответил Первый и повел меня к лазу под плитой.

Проход оказался узким, и я окончательно порвал свои штаны, зацепившись за что-то. Лаз закончился маленькой комнатой, освещенной через дыру в потолке. Посередине помещения находилась лестница, ведущая вниз. Шак, не задерживаясь, начал спускаться по лестнице, я последовал за ним.

«Опять я лезу в воду, не зная броду», – мелькнула в голове мысль.

Мы спустились на два пролета и попали в большое круглое помещение, засыпанное обломками камней. Под потолком слабо светился плафон магического светильника, но света для осмотра помещения хватало. Большой круглый зал напоминал усыпальницу. По периметру его стояли украшенные резьбой гробницы. Потолок помещения поддерживали изящные колонны, а стены были украшены барельефами. Все это великолепие несло на себе следы древнего побоища. Многие саркофаги стояли разбитыми на куски, с других кто-то сорвал крышки. Двери, которыми закрывался вход в помещение, валялись на полу, сорванные с петель, и зияли оплавленными дырами. Некоторые колонны были оплавлены, и весь зал нес на себе следы бушевавшего здесь огня. Среди обломков на полу виднелись истлевшие кости и остатки оружия и доспехов.

В противоположной от двери стороне усыпальницы находился еще один оплавленный завал. Камни в завале сплелись в один большой комок, и разобрать его можно было только при помощи взрывчатки. Мы с шаком, закончив внешний осмотр зала, приступили к более тщательному прочесыванию помещения. Среди обломков могло отыскаться что-нибудь полезное. Волчонок, приняв наши действия за игру, тоже начал копаться в камнях, лаем привлекая

внимание к своим находкам. Кстати, единственную полезную вещь нашел именно он. Время не пощадило ничего из свидетельств древней битвы. Любая найденная вещь рассыпалась в прах от малейшего прикосновения. Оружие и доспехи насквозь проржавели или полностью сгнили.

Перемазавшись, как черт, я проклинал себя за то, что полез в эту дыру. Волчонок, крутившийся неподалеку, неожиданно схватил меня за штаны и потащил к очередной своей находке. Сразу не разобравшись с находкой, я хотел уже дать пинка юному следопыту, но палка, найденная волчком, оказалась лезвием меча без рукояти. Рукоять меча рассыпалась от времени, но само лезвие, хотя и имело несколько зарубин, находилось в приличном состоянии. Если этот меч за столетия, что пролежал здесь, не рассыпался в прах, значит, материал клинка был не простым. Сканирование меча не обнаружило в клинке магии, значит, клинок просто сделан из очень хорошей стали. По дороге вверх я прикидывал, из чего мне сделать рукоять для меча, и совсем забыл об осторожности.

Первый уже вылез из лаза на поверхность, и я, чихая и кашляя, стал пробираться следом за ним. Сзади меня подталкивал гавкающий волчонок, пытаясь пролезть на волю впереди хозяина. Наконец лаз закончился, и мне удалось встать на ноги, шурясь под лучами солнца. Щенок с яростным лаем выскочил у меня из-за спины и бросился вперед. Мои глаза привыкли к свету, и у меня похолодело все внутри. В десяти шагах от себя я увидел пятерых малхусов, полукольцом окруживших площадку перед лазом. В центре стоял огромный вожак с белым пятном на груди. Красные глаза его сверкали даже при свете солнца.

Оружия у меня не было, поэтому руки сами стиснули лезвие древнего меча. Адреналин хлынул в кровь, время замедлилось, и я погрузился в транс. Мысли очистились от всего суетного, вся моя сущность приготовилась к бою.

«Пусть начнут первыми, тогда и приступим к активным действиям, – начал мозг расчет моих действий. – Сначала бью вожака по ногам, а потом ситуация подскажет».

Неожиданно глаза вожака стали приближаться ко мне.

«Высокородный, мы не хотим сражаться, я пришел поговорить с тобой», – раздался в голове странный голос.

«Кто ты и чего хочешь?» – отреагировал я.

«Я очень стар и не помню своего имени, зови меня Старым Вожаком, – ответил малхус. – Мы пришли, чтобы предотвратить гибель своих братьев, но опоздали. Вожак убитой тобой стаи был молод и горяч, он прислал мне вест о том, что к Нордрассилу приблизился человек. Малхусы поставлены эльфами для того, чтобы охранять Дерево Жизни от чужаков. Ты не эльф, и поэтому молодой глупец повел стаю убить тебя. Малхусам нет равных по силе соперников в древнем лесу, даже зорг в одиночку не устоит перед стаей. Глупец забыл все, чему я его учил. Он забыл главное, что малхусы – слуги, а не хозяева. Любой эльф со знаком малхуса имеет над нами полную власть. Истинный высокородный неприкосновенен, а у тебя на груди еще и знак малхуса. Высокородный, я приношу тебе свои извинения за дерзость моих собратьев, они уже получили свое. Ты можешь находиться здесь сколько тебе угодно, и мы будем охранять твой покой и приносить тебе свою добычу. Прощай, высокородный, я должен идти и привести на место погибших другую стаю».

«Погоди, Старый Вожак, у меня к тебе просьба», – остановил я малхуса.

«Что ты хочешь, высокородный?»

«Заберите с собой щенка, а то он погибнет без родителей».

«Ты очень добр, высокородный, но я ничего не могу сделать. Малыш попробовал твою кровь, когда на тебе был надет амулет малхуса, и теперь вы связаны, он умрет без тебя. Таким способом эльфы привязывают малхусов к хозяину».

«Щенок скоро вырастет, и как я с малхусом покажусь на людях?»

«Мы, малхусы, живем долго, и наши щенки тоже долго растут. Твой щенок еще три года будет не больше крупной собаки, а потом время само решит этот вопрос», – ответил вожак.

Наваждение прошло, время вернулось к своему обычному течению, и разговор прервался. Мир снова наполнился звуками, и я опять увидел перед собой стаю малхусов, на которых с лаем бросался мой отважный щенок. Вожак стаи развернулся и, как призрак, растворился в кустах, за ним так же бесшумно исчезла и вся стая.

– Ух, – услышал я за спиной облегченный выдох Первого. – Я думал, что они нас порвут.
– Все нормально, я с ними договорился, пошли отсюда к Дереву Жизни.

Через час мы дошли до стоянки под деревом и сразу решили вернуться на холм. За день трупы волков и останки кабаньих туш начали разлагаться, и распространившееся зловоние просто убивало. По уму трупы нужно было закопать, но сделать это было нечем, и мы, забрав мешок с кабаньим мясом и другие вещи, вернулись на холм.

* * *

На холме наша троица провела пять дней. Первый занимался едой и пошивом новой одежды, а я охотой и обследованием храма. Тузик повсюду таскался за мной, не отставая ни на шаг. Свою кличку волчонок получил за убийство зверя, похожего на енота, с которым он схлестнулся во время наших исследований холма. У зверя хватило глупости напасть на Тузика, когда тот из любопытства полез в его нору. Зверь был в два раза крупнее волчонка и не считал его опасным противником. Щенок буквально порвал енота, как Тузик грелку из старого анекдота, за что и получил свою кличку.

Волчонок ел, спал и гулял только рядом со мной, лишь изредка убегая куда-то по своим делам. Жрало это создание в три горла и росло не по дням, а по часам. То, что он еще три года будет не крупнее большой собаки, вызывало у меня большие сомнения. Хорошим подспорьем стало то, что каждый день малхусы приносили к нам на холм оленя или кабанчика.

На второй день после переселения на холм мне удалось сделать из рога оленя рукоятку для меча. Самой большой проблемой стала заточка лезвия. Я промучился половину дня, пытаясь заточить изделие древних мастеров, и все безрезультатно. Первый, увидев мои мучения, снова полез в спальню и вернулся оттуда с точильным камнем, найденным им среди останков древних воинов. Моих мозгов не хватило догадаться, что воины всегда носят с собой этот простой инструмент для ухода за своим оружием, а камни вечны.

Дни проходили в постоянных трудах и заботах. После завтрака я час занимался медитацией и самолечением, затем мы все вместе отправлялись к ручью умываться и запастись водой, – тарой для воды служили два бурдюка, изготовленные шаком еще в пещере. Доставив воду в лагерь, я начинал сканирование холма, не забывая следить и за окружающей обстановкой. Малхусы всегда были у меня в поле зрения. Один из зверей постоянно дежурил у подножия каменной лестницы, по которой мы поднимались на холм.

За пять дней я просканировал и излазил на четвереньках весь холм, заглянул под каждый камень, но новых ходов, по которым можно забраться в подземелье, не нашел. В нескольких местах под поверхностью холма просматривались расплывчатые тени каких-то туннелей и комнат, но добраться до них можно было только с помощью экскаватора. Два раза мне попадались лазы, ведущие под землю, но оба они заканчивались непреодолимыми завалами. Для исследования храма нужна целая экспедиция с тяжелой техникой, а не одноногий инвалид. С инвалидом я, конечно, погорячился. Если не брать во внимание мою покоцанную рожу и следы ожогов по всему телу, то мое физическое состояние постепенно приходило в норму. Хорошая еда, свежий воздух и ежедневные тренировки дали положительный результат. Левая нога практически сравнялась по объему и работоспособности с правой, внутренние органы работали, как часы, в печени окончательно исчезла темная тень. Еще одним косвенным подтверждением моего хорошего самочувствия стал звериный аппетит и уединенная ямка в кустах, навещаемая мной после обильного обеда.

Ежедневные водные процедуры в ручье вместе с бодрим физическим настроением наносили мне и моральный ущерб. Каждый раз, разглядывая свою уродливую рожу с «пришитым» левым ухом, я приходил в уныние. Голова постоянно была занята мыслями о способах исправления своей внешности. Одна неплохая идея пришла во время охоты неподалеку от Древа Жизни. Первый рассказывал мне, что гвельфы делают из плодов дерева эликсир долголетия, и я решил набрать плодов и попросить шака приготовить из них лечебную мазь. Побродив под деревом, я подобрал десяток наиболее свежих по виду плодов и отнес Первому. Шак быстро понял, что от него требуется, и стал готовить какое-то варево. Одним из ингредиентов для мази стал жир барсука, добытого Тузиком. Пока Первый химичил у костра, я вспомнил, что хотел попробовать плоды на вкус. Раньше меня останавливал их специфический запах, прямо скажу, дохлятиной паховало. На этот раз мне удалось переломить себя и откусить кусочек таинственного плода. Опыт оказался неудачным – не то чтобы плод был несъедобным, только на вкус он оказался таким же, как и на запах. После того как я выплюнул фрукт, мне еще полчаса пришлось полоскать рот, чтобы избавиться от ощущения в нем дерьма. Успокаивая себя мыслями, что все лучшие лекарства на вкус гадость невероятная, я стал дожидаться мази.

Мазь была готова только после ужина. Перед сном я намазал на левой руке самый безобразный шрам от ожога и, завязав руку тряпкой, лег спать. Наутро я с нетерпением снял повязку и охренел: шрам на руке полностью отсутствовал, как и кожа на его месте. Мазь проела мою руку до самого мяса. Плюнув на опасные эксперименты, я вошел в транс и начал залечивать дыру на коже. Через час упорных трудов рана покрылась розовой пленкой. Этот досадный случай напомнил мне забавный эпизод из прошлой жизни. Моя супруга вычитала в какой-то газетенке статью про очередной эликсир молодости, которым оказался яблочный уксус. Электродрель замутила трехлитровую банку этого эликсира и заставила меня вместе с ней пить эту гадость. Эликсир оправдал свое название полностью, уже через час мы вспомнили детство по полной программе. В результате употребления эликсира нас стало нести со страшной силой, и мы наперегонки бросились в туалет. Беда была в том, что туалет в квартире один, а требовался он нам одновременно. Супруга провела три дня в обнимку с унитазом, а я с тазиком. Больше ни в каких экспериментах с другими чудодейственными эликсирами ваш покорный слуга не участвовал.

Время шло, и подготовка к дальнейшему путешествию подходила к концу. Первый дошил мне новые штаны и куртку, а на ногах красовались новые мокасины.

– Вылитый Чингачгук с большой дороги, только рожа подкачала, – решил я, рассматривая себя в воде ручья.

Первый тоже привел свою одежду в порядок. Тузик чувствовал надвигающиеся перемены и задорно скакал по лагерю, гоняясь за мухами. К походу было все готово, и мы легли пораньше, чтобы утром без задержек отправиться в путь. Нас ждала башня на краю пустоши.

Глава 4

ЗА НАМИ СНОВА ПОГОНЯ

Огромное зеленое море раскинулось под крыльями харуха, практически неподвижно парившего в восходящих потоках теплого воздуха. Зоркие глаза летающего ящера выискивали добычу, но кроны деревьев скрывали все, что находилось на земле. Харух качнул крыльями и начал планировать в сторону пустоши, видневшейся на горизонте. Инстинкт подсказывал, что на безлесой равнине будет легче найти еду. Далеко внизу петляла лента лесной дороги, то и дело скрывавшейся под деревьями. Глаз стервятника зацепился за три бегущие фигуры. Харух резко пошел на снижение, чтобы рассмотреть предполагаемую добычу.

«Двуногие», – разочарованно пронеслось в мозгу хищника, добыча оказалась слишком опасной. Харух был не настолько голоден, чтобы рисковать. В правом боку зверя торчали две обломанных стрелы, попавшие в него во время охоты на двуногих. Наконечники стрел приносили постоянную боль и раздражение. Ящер прекратил снижение и, замахав крыльями, стал набирать высоту.

* * *

Дорога, как змея, петляла между деревьями. Мой маленький отряд уже три часа находился в движении по заросшему травой проселку. Мышцы хорошо разогрелись, и неторопливый бег не перегружал организм. Мне даже не пришлось прибегать к помощи Силы, чтобы облегчить нагрузку на левую ногу.

«Дополнительная тренировка ноге не мешает», – решил я.

Внутреннее зрение постоянно сканировало округу, готовое предупредить об опасности. На расстоянии километра от дороги ничего подозрительного замечено не было. В лесу удалось обнаружить только ауры оленей, кабанов и других травоядных животных. Мое внимание привлекла аура крупной птицы, резко пошедшей на снижение в нашу сторону.

«Это харух», – отметило сознание.

– Первый, быстро за мной под дерево, на нас харух охотиться надумал! – крикнул я шаку.

Мы свернули с дороги под ближайшее дерево. Я достал лук и натянул тетиву. Мой внутренний взгляд непрерывно следил за опасностью. Аура харуха перестала снижаться и начала набирать высоту, удаляясь от дороги.

– Кажется, пронесло, – сказал я шаку и невольно улыбнулся, вспомнив анекдот про Чапаева.

Наша троица вернулась на дорогу и побежала по ней с прежней скоростью. Через полчаса я снова заметил подозрительные ауры,двигающиеся наперерез.

«Малхусы, – определил мозг. – И чего им от нас нужно?»

– Первый, к нам снова малхусы пожаловали, приготовься, – предупредил я шака.

Первый кивнул и перехватил поудобнее дубину. Тузик тоже учуял родню и, обогнав меня, унесся по тропе вперед. Через некоторое время впереди раздался его залиvistый лай.

Малхусы ждали нас на берегу ручья, который под прямым углом пересекал дорогу. Нас встречал Старый Вожак и его стая. Мы остановились, и я погрузился в транс. Горящие глаза старого малхуса начали приближаться, и в моей голове раздался голос:

«Приветствую тебя, высокородный. Я пришел проститься с тобой, здесь у ручья кончается наша территория, и дальше мы не сможем охранять тебя».

«Спасибо за заботу».

«Высокородный, у меня есть к тебе просьба. Прошу, не отказывай мне».

«Что за просьба?» – не стал я сразу соглашаться.

«Уже прошло больше двухсот лет с того момента, когда последний хранитель покинул Дерево Жизни и отправился на поиски выживших эльфов. Три тысячи лет назад враги напали на храм хранителей и убили всех. Только трое из них выжили, малхусы тоже почти все погибли в этой битве. Среди эльфов не осталось женщин, и у хранителей не могло быть детей. У нас выжили три самки, и род малхусов продолжился. После битвы Геон окутала тьма. Начались страшные землетрясения, и небо закрыли тучи пепла. Магия Древа спасла эту долину от уничтожения, и мы выжили. Через триста лет, когда мгла рассеялась, на поиски эльфов ушел первый хранитель и не вернулся. Через тысячу лет второй эльф покинул долину. Все эти тысячелетия малхусы охраняли Дерево Жизни от врагов и вторжения людей и орков. Потом в долину стали прорываться чернокожие. В Срединной земле люди только со светлой кожей, а откуда пришли эти отродья дьявола, мне неизвестно.

После ухода последнего хранителя род малхусов стал хиреть, самки перестали рожать детенышей, и нас осталось только двадцать. Ты убил пятерых из нас, теперь только пятнадцать малхусов охраняют Дерево Жизни. В трех стаях осталось три самки, и только две из них приносят щенков. Если эльфы не вернуться, то мы вымрем. Ты пришел из внешнего мира и можешь найти выживших эльфов. Нордрассил заболел и начал умирать, его плоды стали испорченными. Мы не можем продлевать свою жизнь, питаюсь ими. Пройдет всего триста лет – и Дерево не спасти. Прошу тебя, найди эльфов и передай им это».

«Я, конечно, выполню твою просьбу, но почему ты все время говоришь эльфы, а не гвельфы? На Геоне живет народ, называющий себя гвельфами, а про эльфов я слышал только из легенд своего мира».

«Мне неизвестен ответ на этот вопрос. За триста лет жизни я никогда не покидал долины. Все, что я тебе рассказал, мне известно от прежнего вожака малхусов. За всю жизнь я видел только чернокожих людей и орков, пытавшихся проникнуть в долину, все они мертвы. Гвельфы в долину не приходили. Расскажи, как они выглядят?»

«Рассказчик из меня плохой, я лучше покажу их тебе. Открой мне свой разум».

Горящие глаза малхуса отделились, и я отчетливо увидел ауру вожака. Попытка войти в его сознание сопротивления не вызвала. За время жизни на Геоне мне удалось близко познакомиться только с тремя гвельфами. Первым гвельфом, с которым меня свела судьба, был Леор, утонувший в Темерианском озере. Арима – Летящую смерть – я собственноручно пристрелил, а третьим знакомым гвельфом оказалась Викана. Эти три образа я и передал малхусу.

«Это эльфы! – раздался у меня в голове взволнованный голос вожака. – Эта эльфийка так прекрасна, что у меня даже лапы дрожат от восхищения. Я никогда не видел эльфиек, только хранителя. Он рассказывал о красоте эльфийских женщин, но то, что я увидел, превзошло мои ожидания».

«Эту эльфийку зовут Викана, она моя хорошая знакомая».

«Высокородный, ты принес нам надежду на будущее. Предупреждаю тебя: за ручьем начинается территория чернокожих, их шаманы очень опасны. Эти отродья умеют скрывать свою ауру с помощью амулетов, и их не видно в магическом мире. Двух шаманов с такими амулетами я убил почти у самого Древа Жизни. Будь осторожен, они охотятся за всеми, кто выходит из долины».

«Ты говорил, что вы убиваете всех, кто попадает в долину? Как же из нее кто-то выходит?»

«Это не всегда так. Мы пропускаем через долину некоторых пришельцев, которые не видели Древа Жизни, для того чтобы узнать, свободен ли проход от чернокожих. Еще не было случая, чтобы кто-нибудь уцелел. Караван, проходивший по этой дороге три месяца назад, вырезали сразу по выходе из долины».

«Как же мы выйдем из долины?»

«Мы прибежали сюда для того, чтобы предупредить тебя и отдать амулет шамана, который скроет твою ауру. Для твоего орка у нас амулета нет, но мы покажем дорогу, по которой вы сможете скрыться от погони».

Старый Вожак закончил разговор и, развернувшись, побежал вдоль ручья в сторону от дороги. Остальные малхусы остались на месте.

– За мной! – приказал я шаку и побежал за малхусом.

Вожак повел нас вдоль русла ручья в глубину леса. Примерно через километр ручей уперся в каменную гряду, окружающую долину, и скрылся среди камней. Малхус свернул в сторону и привел нас к входу в пещеру, скрытому кустарником, и юркнул в темноту. Мы последовали за ним. Пещера встретила нас крошечным мраком. Я остановился, чтобы перейти на внутреннее зрение. Постепенно мне удалось перестроиться, и мы пошли следом за малхусом. Пещера закончилась большим залом, освещенным магическим светильником. Такой же светильник я видел в эльфийском храме. Малхус остановился и сел возле высохшего человеческого трупа.

«Это шаман, которого я убил двадцать лет назад. Возьми его амулет и надень на себя», – раздался в голове голос вожака.

Я подошел к мумии и снял с ее груди каменную резную подвеску на кожаном ремешке. Ремешок разорвался у меня в руках, и я положил амулет в мешочек на поясе. Моя аура сразу побледнела и свернулась до размера ауры обычного человека.

«Высокородный, твоя аура уменьшилась, но не исчезла, как у шамана. Тебе не удастся спрятаться от магического наблюдения», – «обрадовал» меня малхус.

«Делать нечего, и так прорвемся», – ответил я.

Не знаю почему, но такая уверенность у меня была. Правда, возникли и подозрения, что эта уверенность – очередная глупость.

«Показывай дорогу, вождь».

«Идите по туннелю, который начинается в дальнем конце зала, он выведет вас на другую сторону каменной гряды, прямо на берег озера. Идите по воде в левую сторону и постарайтесь до ночи уйти как можно дальше».

«Прощай, Старый Вожак, я передам от тебя привет Викане», – пошутил я и пошел в сторону туннеля.

Подземный коридор петлял около часа, и наконец мы увидели свет. Туннель выходил из расщелины прямо в воду небольшого озера. Заметить вход со стороны было невозможно. Просканировав местность вокруг, я пошел к берегу озера прямо по воде. Дно оказалось песчаным и не топким. Замочив ноги до колена, мы с Первым вышли на берег. Тузик храбро плыл за нами следом. Отдохнув несколько минут, мы с Тузиком побежали следом за шаком. Первый всегда знал, в какой стороне находится башня с нашей заначкой, будто у него в голове компас.

* * *

Первый очень удачно выбирал дорогу среди деревьев, его природное звериное чутье подсказывало, в какую сторону свернуть, и за три часа непрерывного бега мы ни разу не застряли в кустах или болоте. Мне уже стало казаться, что нам удастся уйти незамеченными, но наши желания не всегда совпадают с нашими возможностями. Погоню я заметил только благодаря Тузику, который стал подозрительно часто убегать в сторону от направления, выбранного шаком. Маленький малхус стал настороженно принохиваться и гавкать, крутясь у меня под ногами и стараясь привлечь к себе внимание. Наконец до меня дошло, что он что-то почувствовал, и я дал команду остановиться.

Тщательное сканирование окружи подозрительных аур не обнаружило, и я хотел уже дать команду двигаться дальше, как меня привлекло странное поведение аур животных и птиц,

увиденных внутренним взглядом. Лес кругом нас был наполнен разнообразной жизнью. На деревьях гнездились птицы, на земле мелкие животные занимались своими повседневными делами, олени и кабаны перемещались по звериным тропам на пастбища и к водопою. Хищники прятались в засадах, поджидая добычу. Среди этого броуновского движения я обратил внимание на странную закономерность, которая раньше не бросалась в глаза. Кто-то невидимый в энергетическом мире Геона окружал нас с трех направлений, ауры животных убегали в разные стороны от этих незримых преследователей.

«Все понятно: нас обнаружили и пасут. Три отряда преследователей бегут по нашему следу, разгоняя у себя на пути животных и птиц. Сзади нас догоняет один отряд, а два других стараются обогнать и устроить засаду на нашем пути», – пришли в голову неутешительные выводы.

Рассказав Первому о своих наблюдениях, я начал лихорадочно искать выход из создавшейся ситуации.

«Что мы имеем? Нас видят и пасут. Преследователи уверены, что мы о них не знаем, и бегут за нами без опаски быть замеченными. Две группы, не останавливаясь, обгоняют нас, несмотря на нашу задержку. Нужно попробовать раздолбать их по частям. Необходимо найти место, где я смогу обнаружить преследователей визуально. Минут пять назад мы пробежали по тропе между двумя болотцами, там свободное от деревьев пространство. Обзор хороший примерно на двести метров, только трава и болото. Правда, трава вокруг высокая, но если залезть на дерево, то преследователей сверху хорошо будет видно. Решено: возвращаемся назад и делаем засаду, главное, чтобы враги вышли на открытое место, а не стали выжидать, когда мы побежим дальше. Эх, стрел маловато, всего семь штук осталось. Будем надеяться, что за нами гоняется не все племя сразу».

Через несколько минут мы уже были на краю заболоченной поляны, где я, перед тем как залезть на дерево, отдал шаку последние указания:

– Первый, сиди тихо и не высовывайся, возьми Тузика за шкирку и не давай ему выскочить на тропу. Жди моего приказа. Понял?

– Да, хозяин.

– Тогда я полез на дерево, а ты держи Тузика!

Через минуту я уже сидел на дереве, удобно устроившись в развилке ветвей, и высматривал преследователей. Ожидание продлилось около получаса, и из кустов показалась голова первого афра. Негр осмотрел поляну и скрылся в кустах. Через пару минут на тропу вышли пятеро дикарей и осторожно направились в нашу сторону. Двое афров были вооружены луками, остальные копьями и овальными щитами из кожи какого-то животного. Негры не имели никаких доспехов и блестели голыми раскрашенными телами, словно намазанными маслом. Дождавшись, пока они дойдут до середины тропы, я начал выцеливать первого лучника, погрузился внутрь своего сознания и спустил тетиву. Идущий впереди афр уткнулся лицом в траву, так и не поняв, кто его убил. Второй перед смертью подпрыгнул, словно заяц, и засучил ногами рядом с первым убитым, заполучив стрелу в грудь.

Афры оказались опытными воинами и не впали в панику, а, закрывшись щитами, бросились вперед по тропе к месту засады. Они поступили абсолютно правильно в данной ситуации, сокращая дистанцию и пытаясь вступить с нами в рукопашный бой. Три стрелы были потрачены фактически впустую, две разлетелись на куски, воткнувшись в щит, а третьей мне удалось попасть только в ногу одного из нападавших. Раненый негр стал отползать по тропинке, прикрываясь щитом, а двое других вступили в бой с шаком. Под деревом раздался оглушительный рев Первого и разъяренный лай Тузика. Я, чертыхаясь, начал спускаться вниз на помощь своему другу. Бой был в самом разгаре, когда с дерева свалился ваш покорный слуга. Удар задницей об корень дерева выбил из меня дух. Первый яростно отбивался сразу от двоих нападавших, а Тузик кусал негров за голые ноги. После моего бесславного падения на землю один

из воинов переключил свое внимание на меня. Он перестал нападать на Первого и бросился ко мне. Здесь и пришел бы мне конец, если бы Тузик не вцепился негру в щиколотку. Воин как подкошенный упал лицом на землю прямо у моих ног, и мне оставалось только ударить его со всей мочи кулаком по затылку. Раздался хруст, и изо рта негра хлынула кровь.

«Еще один готов», – отметило сознание.

Второй негр, увидев гибель соплеменника, бросился бежать по дороге в обратную сторону от нас. Первый помчался за ним, оглашая окрестности победным ревом. Мне удалось отдышаться и встать на ноги. Подобрал лук и две оставшихся стрелы, я бросился следом за шаком. Погоня закончилась на середине поляны, где мне удалось вогнать стрелу в спину убегающего дикаря. Тот упал ничком на землю, а я не торопясь пошел по тропе в сторону шака, добивавшего дубиной раненного в ногу негра. Тому удалось только один раз укрыться щитом, второй удар дубины расколол его голову, как арбуз. Первый победно поднял свое оружие и повалился на землю со стрелой в правом боку.

Мое сердце оборвалось и упало куда-то вниз, время замедлило свой бег, и мой отчаянный крик забасил, как пароходная труба. Руки сами послали последнюю стрелу в замеченное в кустах шевеление. Я вынул меч из ножен, висевших за спиной, и бросился вперед. Мне удалось достичь кустов буквально в три прыжка. В кустах валялся труп афры со стрелой во лбу. Возбуждение спало, и время вернулось к обычному течению. Из ушей как будто вынули пробки, и я услышал залиvistый лай Тузика. Малыш, схватив меня за штанину, тащил куда-то в кусты.

«Еще какая-то тварь сумела удрать отсюда», – всплыла в голове догадка, и я бросился вслед за Тузиком.

Шаман далеко убежать не сумел. Старый козел запутался своими одеяниями в колючем кустарнике, и я зарезал его, как барана, не встретив никакого сопротивления. Быстро содрал с его трупa все амулеты и пояс с кармашками, я побежал к раненому шаку.

Первый неподвижно лежал лицом вверх и держался за обломок стрелы, торчащий из его правого бока. Между пальцев на землю стекала почти черная кровь. По его щеке катилась одинокая слеза, оставляя за собой серую дорожку.

– Хозяин, как хорошо, что ты живой! – улыбнулся одними губами шак. – Я умираю, но ты остался живой, а это самое главное. Ты будешь вспоминать обо мне?

Я не знал, что ответить, и завыл, как задавленная машиной собака. Из жизни уходило самое дорогое мне существо, единственное, что связывало меня с этим миром. Викана и Колин находились где-то там, в прошлом, у них была своя жизнь и интересы. Им что-то было нужно от меня, и они дарили свою дружбу взамен моей. Первый любил меня абсолютно бескорыстно только за то, что я есть, и не требовал ничего взамен. И сейчас это существо умирает у меня на руках и вместе с ним умирает самая чистая половина моей души.

– Господи, за что мне это? – закричал я, обращаясь к небесам. – Что такого я натворил в своей жизни? За что ты забросил меня в этот ад? Почему за мной охотятся, как за прокаженным? За что ты убиваешь самое безгрешное и несчастное существо на Геоне? Господи, дай мне силы спасти его от смерти и делай потом со мной что хочешь!

Адреналин огненной струей потек по моим венам, сердце барабаном застучало в груди. Мир вокруг погас, и меня окружила непроницаемая стена. На этом свете остались только я и умирающий шак. Вокруг рук засиял ореол Силы, и от меня осталась только душа и огненный взгляд. Тело Первого стало прозрачным, и я увидел обломок стрелы, застрявший в его печени. Кровь толчками вытекала из разорванных сосудов, а вместе с ней уходили и остатки жизни. Мне удалось погрузить руку в тело Первого и протолкнуть наконечник стрелы наружу. Наконечник медленно вышел из спины раненого, и я отбросил его в сторону. Теперь наступила самая сложная фаза лечения. Мои руки, проникая в тело шака, останавливали кровотечение, закрывая разорванные сосуды, извлекали свернувшуюся в животе кровь. Из моей ауры протянулся лучик Силы к ауре умирающего, задерживая его в этом мире. Остановив кровоте-

чение, я начал наполнять энергетические потоки в теле Первого. Много сил отняло удаление черного водоворота в ауре поврежденной печени. Постепенно мне удалось восстановить энергетическое тело шака, но он все равно угасал. Кровопотеря оказалась очень большой, и материальное тело Первого задыхалось от недостатка кислорода. Нужно было что-то немедленно предпринимать. Моя душа вернулась в материальное тело, и мы снова оказались на тропинке между болотами. Решение пришло само собой: я снял нож с пояса шака и разрезал себе вену на левой руке.

– Пей давай! – приказал я Первому, поднося разрезанную руку к его губам.

Шак с закрытыми глазами начал пить текущий из вены ручеек. Постепенно его лицо посветлело, и Первый перестал быть похожим на труп. Ресницы на синем лице задрожали, и он открыл глаза.

«Хватит делать из шака вампира», – решил я и убрал руку от его губ.

Самочувствие Первого стремительно улучшалось, и он открыл глаза.

– Где я? – спросил шак с блаженной рожей.

«Напился моей кровушки с адреналином, кровопивец, вот и балдеет!» – осознал я ситуацию с чудесным воскрешением Первого.

– Где я? – снова произнес раненый.

– Где-где? В Караганде, – ответил я, чтобы не выругаться. – Ты как, сможешь встать на ноги?

Шак зашевелился и поднялся с земли. Первого шатало, как тростинку на ветру, и мне пришлось его поддерживать. Через пять минут находящийся под кайфом Первый сидел с той же блаженной улыбкой возле большого камня в лесу и что-то мычал на непонятном мне языке.

– Сиди здесь и никуда не уходи! – дал я наставление кровопийце и побежал за нашими вещами, оставленными под деревом.

По дороге назад я подобрал оружие убитых афров и притащил всю охапку к камню, у которого оставил шака. Добыча оказалась богатой. Три добротных охотничьих лука с полусотней стрел с бронзовыми наконечниками и три копья. Особое внимание привлекли щиты негров. Кожа на щитах оказалась очень толстой и прочной. Мои стрелы пробили щит, но костяные наконечники рассыпались вдребезги и ущерба воину не принесли. Закончив с оружием, я переключился на трофеи, снятые с тела шамана.

Сначала я взял в руки каменный амулет, похожий на тот, который мне дал вожак. Этот амулет внешне не отличался от амулета малхуса, но был в два раза крупнее. Эффект от него превосходил эффект старого амулета. Моя аура полностью исчезла из энергетического мира.

«Ясно, чем крупнее камень, тем лучше он маскирует ауру носителя. Предыдущий амулет замаскировал мою ауру под обычного человека, а этот булыжник полностью экранирует меня от посторонних взглядов через астрал. Пригодится в дальнейшем. Так, теперь поищем, с помощью чего нас отыскивал в лесу шаман».

В кармашке пояса шамана я нашел маленькую металлическую стрелку на нитке. Стрелка, как компас, указывала на сидящего под камнем Первого. Я перешел на внутреннее зрение и обнаружил, что подошвы мокасин шака светятся слабым светом источника Силы. Тщательный осмотр обуви шака показал, что ее подошвы вымазаны какой-то смолой или жиром, в которой были заметны вкрапления какого-то минерала.

«Козлы, здорово придумали! Мажут места, по которым может пройти человек, этой дрянью, а потом, когда кто-то наступит на нее, ищут его как по компасу. Дальность обнаружения такого компаса должна быть не очень большой, иначе он постоянно бы показывал на намазанные магической смазкой ловушки, а так – развесили эти компасы в разных местах и ждут, когда стрелка начнет двигаться, и айда ловить нарушителя».

Я разул все еще балдеющего шака и побежал с обувкой на середину тропы между болотами. Для начала я сбросил все трупы в воду и, как мог, скрыл следы случившегося здесь побо-

ища, а затем спрятал обувь в траве. Вернувшись к началу тропы, я выбрал два понравившихся мне лука и, забрав все стрелы, полез на дерево на краю поляны.

«Зачем придумывать что-то новое? Лучшее – враг хорошего!» – пришла на ум старая поговорка.

– Тузик, сторожить! – пригрозил я расшалившемуся под деревом щенку и стал дожидаться противника.

Афры, как видно, не очень торопились на тот свет: я успел прямо в кроне дерева нагнаться прихваченной жратвой, и меня после обильной трапезы разморило.

«Если бы не запасы, сделанные шаком, то я уже давно бы скулил, как Тузик под деревом», – всплыла в голове благодарная мысль.

Мне пришлось кинуть вниз приличный кусок оленины, чтобы успокоить голодного щенка.

– На, жри, герой, заслужил.

Глаза начали слипаться, и мне пришлось привязать себя, чтобы не свалиться. Первый заснул возле камня и тихо бормотал что-то, пуская пузыри. Постепенно меня тоже сморил сон, и в голове стали появляться образы из прошлой жизни. Перед глазами замаячила пьяная рожа Вакулы, который делился со мной секретами приготовления домашней горилки. Затем сон перенес меня в подмосковный лес. На каком-то сборище толкиенистов я увлеченно «ездил по ушам» молоденькой псевдоэльфийке, пытаясь склонить ее к более тесному знакомству. При этом почему-то рассказывал ей о своих героических буднях на Геоне. Настало время для братского поцелуя в губы, и я повернул к себе лицо притворно сопротивляющейся девушки. Из-под огромных пушистых ресниц на меня смотрели смеющиеся глаза Виканы. Я невольно отшатнулся и чуть не полетел с дерева, и только веревка, которой я предусмотрительно привязался, не дала мне сломать шею.

– И приснится же такое! – произнес я, снова взгромоздившись на ветку.

Сканирование не выявило ничего подозрительного, но на душе было беспокойно. Времени прошло достаточно, чтобы другие участники погони заинтересовались нашей длительной остановкой и пошли выяснять, в чем дело. Мои тревожные мысли прервал тихий скулеж Тузика у ствола дерева. Щенок всеми способами старался привлечь мое внимание. Я помахал ему рукой, давая знать, что заметил его старания. Тузик сразу перестал суетиться и пополз на брюхе в кусты, отделявшие поляну от леса.

«Тузик явно кого-то унюхал, нужно подготовиться», – подсказывал внутренний голос.

На другом конце поляны зашевелились кусты, и на тропинку крадучись вышел шаман со стрелкой на нитке.

«По компасу идет, сволочь, нужно подождать, когда остальные подтянутся».

Шаман, определив направление, что-то крикнул в кусты, и оттуда вышли четверо афрских воинов и еще один шаман. Выглядели шаманы поплотнее, чем зарезанный мной до этого служитель культа. Мой вывод подтверждался и другими наблюдениями. Главного шамана охраняли шестеро воинов, а у этих было только по два телохранителя, по одному копейщику и лучнику. На тропинке состоялось короткое совещание, и афры осторожно двинулись за шаманом с компасом. Несмотря на соблюдение осторожности передвижения при отсутствии видимой опасности, афры не расслаблялись и четко держали строй. Идущего впереди шамана прикрывал щитом один из копейщиков, немного позади них по обеим сторонам тропы крались лучники, а последнего шамана закрывал щитом второй копейщик. Лучники зыркали, стараясь разглядеть опасность в кустах на краю поляны. Отряд, наконец, добрался до места, где я спрятал обувь шака, и шаманы начали шарить в траве. Копейщики прикрыли шаманов щитами, а лучники заняли позицию на флангах. Дисциплина у дикарей была мама не горюй! Несмотря на все предосторожности, афры были обречены. В руках у меня был отличный лук, а не допотопная самоделка, и стрел навалом, к тому же я видел противника как на ладони.

«Сначала бью лучников, затем шаманов, а потом копейщиков по обстановке», – решил я.

В руках закрипела натягиваемая к самому уху тетива, стрела своим наконечником смотрела в грудь левому лучнику. Сердце громко застучало в груди, и я погрузился в транс. Лучники на поляне все-таки что-то почувствовали и закрутили головой. Выцеливаемый мной афр даже открыл рот, чтобы крикнуть, но было уже поздно.

– А хрен вы угадали, ребята! – прошептал я, выпуская первую стрелу.

Еще не распустился цветок смерти на груди первого лучника, а вторая стрела уже несла гибель его товарищу. Два трупа упали практически одновременно. Третий выстрел повалил на землю копейщика. Шаманы застыли на месте от неожиданности, и один из них тут же забился в траве, пытаясь вытащить стрелу из своего живота. Последний копейщик полностью спрятался за щитом и засеменил, пятась спиной в сторону леса. Шаман, оставшись без прикрытия, бросился со всех ног прямо в болото. Я послал стрелу ему между лопаток. Тело упало в воду, подняв целую тучу брызг, а на воде остались только круги и медленно погружающееся оперение стрелы. У меня остался последний противник, медленно удаляющийся по тропе к спасительному лесу. Помня о прошлой неудаче со щитом, я решил не торопиться. Определив на щите место, за которым должна скрываться грудь копейщика, глаза выбрали точку прицеливания, и мои пальцы отпустили тетиву. Щит стремительно стал приближаться ко мне, и я разогнал стрелу, как только мог. От щита полетели обрывки оперения, и он упал на землю. Копейщик прополз еще пару метров по тропе и затих. На поляне все было закончено, только пронзительно кричал раненный в живот шаман. Его нужно было добить, и я начал спускаться с дерева.

«Нужно взять щит, а то какой-нибудь недобиток подстрелит, как Первого», – всплыла в голове опасливая мысль.

Прикрываясь щитом, я осторожно вышел на поляну. Из-за спины пулей выскочил Тузик и умчался в кусты на противоположном конце тропы. Останавливать малхуса я не стал, он намного лучше меня чувствовал опасность и не бросился бы туда без оглядки. Быстро прочесав кусты, щенок вернулся на тропу и подбежал ко мне, давая знать всем своим видом, что опасность миновала. Оставалась самая мерзкая часть боевой работы – добивание раненых. Ни один из афров не подавал признаков жизни, но все равно необходимо удостовериться, что никто из них не притворяется мертвым. Трофейным копьем я проткнул мертвые тела в области сердца, и только один убитый дернулся под острием наконечника.

После того как я обобрал покойников, мне пришлось еще целый час топить трупы в болоте и перетаскивать трофеи к камню, возле которого по-прежнему спал шак. Сил у меня практически не осталось, но нужно было покормить Тузика и перекусить самому. После ужина всухомятку я приказал малхусу сторожить и провалился в тревожный сон.

Глава 5

ДОРОГА К БАШНЕ

Монотонные удары тамтама – бум, бум, бум – раздавались в ушах, в утреннем тумане они звучали глухо и раздражающе. Глаза не хотели открываться, но холодная сырость заползла под одежду, и у меня затек весь левый бок. С трудом мне удалось сесть и заставить себя открыть глаза. Стоянку накрыл плотный туман, в котором даже не были видны пальцы вытянутой руки. Рядом со мной зашевелился пушистый клубок, и раздалось сонное поскуливание Тузика.

– Сторож хренов, спит без задних ног, – разозлился я. – Надейся на вас после этого. Все самому приходится делать.

В глубине души я понимал, что Тузик не виноват и его чуткий нос обнаружил бы опасность заблаговременно, но мне нужно было на ком-то сорвать свою злобу. Вчерашние подвиги не прошли даром для неокрепшего после ранений организма. Все тело болело, и суставы ломило. Левая нога снова превратилась в костыль и онемела. Сканирование тела показало сильное истощение ауры. Мне срочно требовалась подзарядка. Необходимо искать источник Силы, а тут еще этот тамтам. У меня возникли большие подозрения, что это прелюдия большой охоты на нас, а мы из бойцов превратились в инвалидную команду.

– Первый, просыпайся, – приговаривал я, шлепая шака по щекам.

Шак что-то забубнил во сне и перевернулся на другой бок.

– Просыпайся, зараза! – не выдержал я и дал Первому затрещину.

– А-а-а!... – заорал он и уполз в туман на четвереньках.

В тумане раздался удар, а за ним болезненное шипение.

«Башкой в камень воткнулся», – догадался я.

Из тумана также на четвереньках появился Первый. На лбу у него выросла здоровенная шишка, и сна не было ни в одном глазу.

– Ну что, проснулся, болезный?

– Да, хозяин, а мы где? – спросил он, потирая шишку и глядя на меня растерянными глазами. – Меня же вчера убили!

– Все правильно, сначала убили, потом закопали. Потом снова выкопали, воскресили и дали по башке, – перевел я разговор в шуточную форму. – Хватит болтать, готовь завтрак, а я пополз на зарядку.

Охая, я встал на ноги и поплелся в сторону обнаруженного вчера источника Силы. Источник отвечал всем требованиям, кроме одного: мне приходилось заряжаться, стоя по колено в болоте, что еще больше ухудшало мое паршивое настроение. Сканирование тела на предмет повреждений расстроило меня еще больше. Мои вчерашние геройства не прошли даром. Я порвал и изувечил практически все, что с таким трудом восстанавливал последние месяцы. Левая нога стала одной сплошной гематомой, из мелких, еще не окрепших капилляров под кожу вылилась уйма крови. Колено распухло, и нога плохо сгибалась. На заднице красовался огромный синяк от удара о корень после вчерашнего полета с дерева. Мне пришлось не столько заряжаться, сколько устранять из организма последствия вчерашних подвигов. Разогнав кровь по сосудам, я чистил организм от растекшейся крови, заживлял порванные капилляры и мышцы. В принципе все оказалось не так плохо, как выглядело на первый взгляд, и при хорошем питании и умеренной нагрузке я должен восстановиться дня за два. Только кто этот покой нам даст?

Мои размышления прервал мокрый нос Тузика, уткнувшийся в руку. Этот хитрюга сумел добраться до меня, не замочив даже лап. Это я пришел к источнику Силы по колено в воде, а он – ловко прыгая с кочку на кочку.

– Ну что, завтракать зовешь? – спросил я щенка, потрепав по холке. – Ну тогда пошли.

Туман рассеялся, и дорога в лагерь затруднений не вызвала. У костра меня ждал настоящий пир: кроме запасов оленины и каких-то корешков, у нас с собой ничего не было, даже соль и та отсутствовала. А здесь же были и суп, и каша, и салат, и даже лепешки.

– Откуда такое богатство? – спросил я шака, садясь у костра.

– Тузик три мешка притащил.

Ну конечно! Пока я собирал оружие и стрелы, а потом прятал трупы, Тузик нашел стоянку убитых афров и притащил оттуда мешки с провизией. Смышленный, оказывается, щенок, хозяйственный.

Набив пузо под завязку, я блаженно потянулся и встал. Сканирование ничего опасного не показывало, звуки тамтама давно стихли.

– Хозяин, а где моя обувь? – спросил Первый. – У меня вся одежда в крови и дыра на куртке, а я ничего не помню...

– Потом все расскажу, а сейчас собирай все в дорогу, пора отсюда убираться. Барабаны слышал? Мне кажется, по нашу душу. Жди здесь, а мы с Тузиком до стоянки афров сбегает, может, еще чего полезного найдем. Тузик, искать! – приказал я щенку и сунул ему в нос мешок из-под провизии.

Малхус твякнул и, виляя хвостом, скрылся за камнем, я побежал следом. Забег закончился, так и не начавшись, лагерь афров оказался с другой стороны камня, у которого мы устроили стоянку.

Найденный лагерь значительно облегчил сборы. Здесь нашлось много необходимых в походе вещей. Очень меня обрадовали кожаные фляги и моток крепкой веревки. Первый быстро рассовал вещи по найденным мешкам, и мы, забрав оружие и стрелы, отправились в путь. Тузик бежал впереди, время от времени скрываясь в кустах. Малхус четко понимал свою задачу и нес караульную службу с завидным рвением. Следом бежал я с луком на изготовку, а колонну замыкал Первый с самым тяжелым мешком за плечами, вооруженный копьем и со щитом в руках. Гонимые устраивать мы не могли, хотя и нужно убираться отсюда как можно быстрее.

Ландшафт вокруг тропы постепенно менялся, и скоро мы бежали уже среди скал. Свернуть в сторону стало невозможно из-за того, что скалы стояли вдоль тропы сплошной стеной. Такое положение вещей меня абсолютно не устраивало. В любую минуту мы могли нарваться на афров, а деваться нам было уже некуда. По собственному жизненному опыту я знал, что если есть небольшая вероятность произойти какой-нибудь гадости, то она случится непременно. Так произошло и в этот раз.

Тропа привела нас к озеру среди скал, в которое с высоты третьего этажа из каменной трубы диаметром около полутора метров слабым ручейком стекала вода. Место выглядело очень странно. Озеро имело круглую форму, словно вычерченную циркулем. Скала, из которой торчал конец трубы, обрывалась вертикально вниз, как отрезанная ножом. Под трубой из стены торчали обломанные ржавые скобы. Это явно были обломки какого-то древнего сооружения. Труба когда-то закрывалась металлической решеткой, от которой сохранились только торчащие из камня сгнившие прутья.

Времени у нас не было, и мы побежали дальше, не останавливаясь. Тропа завернула за скалу, и высота каменных стен начала уменьшаться. У меня появилась надежда, что нам удастся проскочить незамеченными, но ей не суждено было сбыться. Мой внутренний взгляд обнаружил ауры пятерых афров, осторожно идущих по тропинке среди скал. Эта пятерка оказалась головным дозором следующего за ними отряда из тридцати воинов. Мы, не снижая темпа, повернули в обратную сторону и побежали в направлении озера. Голова работала, как компьютер.

«То, что этот отряд идет по нашу душу, сомнений нет. Бежать по тропинке до места боя с предыдущим отрядом бессмысленно. Мои жалкие потуги замаскировать трупы могли обмануть только пьяного городского жителя с Земли. Афрские охотники обнаружат их через пять минут. Необходимо пропустить отряд мимо себя и рвать отсюда когти, пока они будут прочесывать округу поля боя», – просчитывал ситуацию мозг.

У меня возникла идея залезть в трубу над озером и там отсидеться. На воде следов не бывает, а в трубе, в случае чего, можно отбиться, а если совсем станет туго, то будем искать противоположный выход.

– Первый, у озера лезем в трубу. Сначала забираюсь я, а потом тебя с Тузиком на веревке затаскиваю. Ты понял? – давал я разъяснения на бегу.

– Нет, хозяин, – бодро ответил шак.

– Ну и хрен с тобой, делай как я.

Мы добежали до озера, и я сразу прыгнул в воду. Озеро оказалось мелким – вода доходила только до пояса. Шак рванул следом за мной, а Тузик, рассерженно гавкая, начал бегать вдоль берега, но в холодную воду не полез. Скобы, по которым я наивно мечтал долезть до трубы, оказались в плачевном состоянии, и, чтобы забраться по ним наверх, нужно было быть акробатом. Но делать было нечего, и я, взяв конец веревки в зубы, полез наверх. До трубы сразу добраться не удалось, но у меня получилось набросить веревочную петлю на прут, торчащий из трубы, и уже по веревке я подтянулся к отверстию. Дальше все было только делом техники. Сначала я затащил наверх Тузика, которого Первый принес под мышкой к веревке, а затем вещи и шака. Дозор афров должен был появиться возле озера с минуты на минуту, и мы, не теряя времени, пошли по трубе в темноту. Идти оказалось не трудно – диаметр трубы позволял передвигаться лишь слегка согнувшись, а вода в трубе доходила только до колена. Через тридцать шагов труба вывела нас к вертикальной шахте диаметром около трех метров. Шахта уходила вверх метров на пять и упиралась в потолок с люком, который закрывала решетка из толстых прутьев. Глубина шахты была неизвестна, потому что она была заполнена водой, которая поднималась до уровня горизонтальной трубы и стекала по ней в озеро. Наше убежище оказалось самой настоящей ловушкой, из которой не было выхода.

Я оставил шака с Тузиком на метровом карнизе, идущем вокруг вертикальной трубы, а сам вернулся к входу. Афры уже расположились вокруг озера и что-то обсуждали, показывая пальцами на трубу. Я прятался в глубине и старался не выдать себя. Мне стало абсолютно понятно, что афры точно знали, где мы, и сейчас обсуждали только один вопрос: лезть за нами в трубу или дожидаться, когда мы сами спустимся вниз. Моя гениальность дала очередной сбой. Мне, дураку, нужно было догадаться, что я не самый умный, и в эту трубу афры лазали не один раз, и для них не было секретом, что из нее нет выхода.

Я вернулся к Первому с Тузиком и, сидя на карнизе, начал строить фантастические планы спасения.

«Еды у нас на неделю, воды навалом, – начал я анализировать ситуацию. – Так что можно сидеть здесь долго и дожидаться, когда афры пойдут на штурм, а там я их всех перестреляю.

Ага, перестреляешь. Они, как идиоты, поодиночке полезут в трубу и дадут себя перебить? Как же, держи карман шире! Сейчас подойдет основной отряд и отправит дозор по тропе. Те быстро найдут покойников и вернуться к озеру. Никто в трубу не полезет, разве что разведчика пошлют, чтобы убедиться, что мы здесь сидим. Дождутся, когда мы вылезем из трубы, им торопиться некуда, и прихлопнут, как комаров», – разбил я собственные планы.

Мои мысли прервал странный звук, раздавшийся снизу шахты. Что-то там ухнуло, и на поверхности воды появились пузыри воздуха. Уровень воды начал стремительно подниматься, и через несколько секунд мы уже плавали в шахте, поднимаясь к зарешеченному люку. Я понял, что сейчас вода поднимется к потолку и мы утонем.

«Нужно сломать решетку в люке, и у нас может появиться шанс!» – мелькнуло в голове, и я, буквально выпрыгнув из воды, повис на решетке, держась за нее левой рукой.

Кровь закипела от выброса адреналина, время растянулось, превратив мгновения в минуты, и я начал резать прутья решетки лучом Силы. Вода поднялась уже до люка, и Первый, высунув лицо сквозь прутья решетки, хватал губами последние глотки воздуха. Тузик, уцепившись лапами за край люка, пытался просунуть свое тело наверх, но застрял и извивался, как змея. Мне удалось разрезать шесть прутьев и осталось только два, когда лапы Тузика последний раз дернулись, и он затих. Первый еще держался, но уже вовсю пускал пузыри. Решетка дрогнула, и поток воды вынес нас через люк наверх. Я схватил Тузика за задние лапы и, выдернув его из прутьев решетки, поднял над водой. Рядом откашливался Первый. Поток воды тащил нас по горизонтальной трубе, пока не прижал к следующей решетке, перекрывавшей трубу. На наше счастье, вода заполняла трубу не полностью, и мы могли дышать.

Этот кошмар продолжался примерно полчаса, пока вода не начала отступать и в конце концов полностью не ушла из трубы. Мы с Первым сидели на корточках и пытались привести в чувство Тузика. Способы реанимации утонувших волков были мне неизвестны, поэтому я тряс щенка, как грушу, и делал искусственное дыхание «рот в нос», потому что сделать то же самое «рот в рот» оказалось невозможно. Благодаря всем моим издевательствам Тузик не помер, а, громко чихнув, начал дышать. Через десять минут весь отряд снова был на ногах, и мы вернулись к люку. Уровень воды в шахте понизился, но трубы, по которой вода вытекала в озеро, еще видно не было. Все наши вещи утонули. Оправившись от шока, я понемногу начал приводить свои мысли в порядок.

«Для начала нужно осмотреться и решить, что делать дальше», – начал я заново строить планы.

Внутренний голос ехидно напомнил мне о моих великих достижениях в планировании спецопераций, в результате которых я снова оказался у разбитого корыта и чудом остался в живых.

«Но у меня есть и веские доводы в оправдание. Первый – „Не ошибается только тот, кто ничего не делает“. Второй – „Я человек, а не Господь Бог“. Крутизны у меня навалом, только жизненного опыта кот наплакал. Я совсем еще недавно работал рядовым сисадмином и стучал по клавишам компьютера, а сейчас бегаю по джунглям и воюю с толпами негров. Все мои знания почерпнуты из книг в жанре фэнтези и кинобоевиков. Поэтому новые знания и навыки добываются кровью и потом. Советчиков, которые знают все наперед, навалом, земля им пухом, а жизнь не „Контрал-Страйк“. И вообще, пошел ты, критикан, к черту, я живой и мои друзья тоже, а раны заживут, и бараклом мы снова обзаведемся», – прекратил я полемику сам с собой.

Пока вода не опустилась до обычного уровня, я решил обследовать трубу, в которую нас занесло потоком воды. С одной стороны ее перегораживала решетка, которая не дала унести нас в глубину древней канализации, а другой конец нужно было обследовать.

– Первый, сиди здесь и сторожи Тузика, а я пойду посмотрю, что там дальше.

Шак кивнул, и я отправился на разведку. Через тридцать метров труба уперлась в стену. Над головой у меня оказался люк с решеткой, правда на этот раз с замком и на петлях. Долго не заморачиваясь, я срезал замок и открыл решетку. Люк привел меня в небольшую комнату с какими-то задвижками и рычагами. Все механизмы сгнили до основания и давно не работали. В комнату через окно на стене пробивался солнечный свет. Стекло покрывала вековая грязь, и мне с трудом удалось очистить небольшой его кусок, чтобы посмотреть наружу.

Окно комнаты выходило на круглое озеро, в которое вытекала вода из трубы, только оно находилось выше и левее трубы. Сейчас это был не слабенький ручеек, как прежде, а мощная струя. Как ни странно, озеро не переполнялось, значит, вода куда-то уходила из него. Напор воды прямо на глазах ослабел и снова превратился в небольшой ручеек. Афры засуетились на

берегу и вытащили что-то из воды. Это оказался наш мешок, выброшенный потоком. У дикарей снова началось совещание. Потом вождь, весь утыканный перьями, от чего очень походил на попугая, построил свое войско в колонну и увел по тропе в сторону болота, в котором я утопил покойников. Дождавшись, когда скроется из вида последний воин, я вернулся к шаку и Тузику. Вода в шахте понизилась до уровня сливной трубы, и мы могли выбираться на волю.

– Первый, ты прыгаешь вниз, затем я кидаю к тебе Тузика, а потом прыгаю сам. Ты понял?

– Да.

– Тогда вперед.

Шак солдатиком прыгнул вниз, подняв фонтаны брызг, и через минуту уже сидел на карнизе, дожидаясь нас. Я взял упирающегося Тузика за шкурку и сбросил в люк. Щенок с визгом плюхнулся в воду и поплыл к Первому. Теперь наступила моя очередь. Прыгнул я, как и шак, солдатиком, только не стал сразу выныривать, а осмотрелся под водой. Шахта уходила далеко вниз, и дна видно не было. Из глубинного мрака, покачиваясь в воде, поднималась веревка, и я, ухватив ее, стал грести наверх. Первый помог мне вылезти из воды, и мы начали выбирать веревку. На другом ее конце оказался один из наших мешков. Моей радости не было предела. К этому мешку оказался привязан мой меч и колчан со стрелами. Стрелы высохнут, а лук мне шак новый выстругает.

Задерживаться в трубе было нельзя, нужно сматываться отсюда, пока не вернулись дикари. Сканирование афров поблизости не обнаружило, и мы спустились вниз по веревке. На берегу озера валялся выпотрошенный второй мешок, но его пришлось бросить, чтобы не оставлять следов своего пребывания. Мой отряд все дальше уходил от озера. Через два часа быстрой ходьбы скалы расступились, и мы побежали по лесу в сторону башни.

В лесу быстро темнеет, и заночевать нам пришлось в каком-то буреломе, подальше от тропы. Костер мы разжигать не стали и улеглись прямо на траву, согревая друг друга своими телами. Тузик служил мне в качестве подушки, и заснул я буквально в одно мгновение.

Утром мы разожгли костер, и Первый приготовил скудный завтрак из остатков продуктов, найденных в мешке. Снова начался многочасовой пробег по лесу. К полудню мы окончательно выдохлись и решили сделать привал. Есть было нечего, и Первый начал выстругивать новый лук, а я занялся ревизией размокших стрел. Тузик убежал обследовать округу, оставив нас одних.

Из тридцати стрел в порядок мне удалось привести только двенадцать, остальные требовали замены оперения. Для этого нужно подстрелить птицу, но без лука это было невозможно. Шаку для окончания работы над луком требовался по крайней мере еще один день. В это время из кустов появился довольный Тузик с самым настоящим земным кроликом в зубах. Этот малыш буквально спас нас от голода. Первый забрал у Тузика добычу, а я поцеловал охотника в нос. Радостный Тузик тут же снова унесся в кусты. Через два часа мы снова бежали по лесу, но уже сытые и полные сил. Тузик поймал еще одного кролика, и мы были обеспечены ужином.

Прошел еще один день нашего путешествия, и к полудню Первый доложил, что скоро мы доберемся до башни. Лес стал значительно реже, и в нем начали появляться большие поляны, заросшие кустарником. Мы стали передвигаться значительно осторожнее, но вокруг не было ни души, даже птицы не пели в кронах деревьев. Чувствовалось дыхание пустоши. Воздух стал намного суше, и трава на земле пожухла. Деревья уже практически исчезли, и нас окружали только колючие кусты. Мы пересекли заброшенную проселочную дорогу и вышли на большую поляну.

– Хозяин, здесь была стоянка, на которую тебя, раненого, привезли.

Мы осмотрели поляну и нашли только старые кострища и следы от давно проезжавших здесь телег. Ничего удивительного – с момента боя в пустоши прошло больше трех месяцев.

Через пару часов Первый вывел нас к развалинам башни. Башня оказалась небольшой и не такой древней, как канализация. Ее стены были сложены из дикого камня, и она разрушилась не от времени, а от пожара. Деревянные перекрытия сгорели и обрушились внутрь, после чего ее, видимо, решили не восстанавливать. Я залез на стену и осмотрелся. Башня, наверное, являлась сторожевой и контролировала заросшую ныне дорогу, ведущую в пустошь. С высоты полуобвалившейся смотровой площадки хорошо просматривалась вся округа. Магическое сканирование ничего опасного не обнаружило, и я спустился вниз.

Тяжелый день подходил к концу, и стало быстро темнеть, поэтому мы решили отложить раскопки тайника на завтра, а сегодня хорошенько отдохнуть и выспаться.

Глава 6

ДРЕВНИЙ АЛТАРЬ

Утром, после завтрака, мы с Первым приступили к раскопкам тайника, а Тузика отправили на охоту. Шак устроил тайник под каменной лестницей, ведущей на второй этаж башни. Место он выбрал очень толково: пролет лестницы закрывал схрон от дождя и сырости, торчавшие из развалин обломки балок делали подход к нему трудным и неудобным. Мы целый час разгребали завал, пока не добрались до спрятанных вещей, но нас ждало сильное разочарование. Вещи действительно не пострадали от сырости и их никто не нашел, но все кожаные предметы сожрали какие-то местные крысы или мыши. От панциря остался только проволоочный каркас с оправой под камень, а от седла – деревянный каркас. Слава богу, уцелела шкатулка с картой и медальонами иностранцев. Я с содроганием сердца развернул метатель и облегченно вздохнул. Агрегат остался целым и невредимым, даже кожаный ремень, который я приспособил для переноски, не пострадал. Наверное, мышам понравился вкус защитной смазки, которой я смазывал метатель.

Шак начал подбирать деньги из съеденных кошельков, а мне пришлось заняться чисткой метателя. Разобрав механизм на составные части, я тщательно протер его от пыли и снова собрал. Первый за это время уложил серебро в узелок и принес мне. Золото и часть серебра у меня было спрятано в поясе, который достался ассасинам. Часть денег я отдал Колину и Викане, а Торвин с Рисом увезли половину оставшегося серебра. На данный момент у меня осталось только триста пятьдесят серебряных империалов.

– Итак, что мы имеем в наличии? – начал я ревизию своего имущества. – В наличии эльфийский меч, два ножа, двенадцать пригодных стрел. Денег у меня триста пятьдесят серебряных империалов. Также есть исправный метатель файерболов без единого заряда и камень от панциря. Есть карта Геона и четыре медальона иностранцев. Не густо.

Я разложил перед собой карту Геона и приступил к планированию своих действий, от которых зависела вся моя дальнейшая жизнь.

«Для начала нужно решить, что делать дальше. Куда я могу податься? В Кайтон соваться глупо, я в городе никого не знаю, и в одиночку там делать нечего, да и что я буду делать в бандитском городе? Идти матросом на пиратский корабль, а Первого и Тузика куда девать? Мотаться по морям, грабить и убивать за бутылку рома, желания у меня не было. В Мэлоре сейчас неспокойно, при здешних скоростях передвижения армий и способах ведения боя за три месяца заваруха не могла закончиться. Мне нужно двигаться в Арис. От него недалеко до первого тайника, в котором ценностей намного больше, там попробую легализоваться. Сейчас с такой рожей я больше похож на зомби, чем на хумана. Пристроюсь где-нибудь кузнецом, куплю дом и буду заниматься исправлением своей внешности. Самая удобная дорога до Ариса через Шателье, а оттуда по озеру Вортекс до Пельтье, а затем по реке Нерей до Латра. От Латра до Ариса рукой подать. Только чтобы добраться до Шателье, через территорию афров нужно пройти, в этом самая большая проблема. Хотя если прибиться к каравану, то, может быть, и получится. Сначала нужно добраться до дороги на Тадмур, а там видно будет», – пришло в голову окончательное решение.

Пока я занимался планированием, вернулся с охоты Тузик. Он притащил здоровенную ящерицу, похожую на игуану, и положил ее к ногам Первого. Добыча Тузика вызвала у меня большие сомнения в ее съедобности, но шак сказал, что это деликатес и он приготовит из ящерицы вкусный суп. Я возражать не стал и полез на смотровую площадку башни сканировать окрестности.

Вокруг башни все как будто вымерло, ни на земле, ни в небе мне не удалось обнаружить аур живых существ крупнее кошки. Этот факт меня настораживал и одновременно подсказывал, что отсюда нужно как можно быстрее сматываться. Через час Первый позвал меня к столу, и я спустился.

После обеда шак занялся моим луком, а я решил ему помочь. Работа спорилась и быстро подходила к концу. Через пару часов мы обожгли лук на костре и изогнули рога. Осталось только обмотать рукоятку кожей, и можно натягивать тетиву. К ужину лук был полностью готов, и я провел его испытания. Этот лук получился значительно лучше предыдущего изделия шака, плечи по изгибающей нагрузке оказались практически одинаковыми, и рога на концах хорошо держали тетиву.

Наступил вечер, и последние приготовления к походу были закончены. Мы доели суп из игуаны и легли спать.

* * *

Солнце уже перевалило за полдень, когда мы добрались до дороги на Тадмур. Тузик, как всегда, бежал впереди, вынюхивая опасность, за ним – я, сканируя округу при помощи Силы, а позади нас пыхтел Первый с метателем за плечами. Местность ожила, и теперь окружавший нас лес наполнился аурами животных и птиц, но людей мне пока обнаружить не удалось.

В башне я нацепил на себя и Первого по два афрских амулета, скрывающих ауру, после чего мы исчезли из энергетического мира. Это, по моему мнению, должно было застраховать нас от шаманских штучек. Теперь мы играли с шаманами на равных условиях и могли обнаружить друг друга только визуально. Хотя, может быть, амулеты носили только шаманы, жившие возле долины Дерева Жизни? Усталость, накопившаяся за день, все настойчивее требовала отдыха, и я решил устроить привал на холме в двухстах метрах от дороги. Первый снял с себя бандуру метателя и уселся под деревом на землю.

«У шака здоровья немерено: тащить на себе пятидесятикилограммовую железяку и все время бегом – за пределами человеческих возможностей, – подумал я, глядя на Первого. – Хотя находишься в приличной форме, то при помощи Силы мог бы потягаться с ним».

Мое самочувствие стремительно приходило в норму. Сосуды на левой ноге уже не лопались от перегрузки, мышцы окрепли и перестали рваться, как раньше. Внешне обе конечности выглядели абсолютно одинаковыми, и только шрамы портили благостную картину. Я ощущал себя полностью здоровым, и у меня даже оставались силы, чтобы отправиться на охоту. За последнее время мне приходилось намного чаще бегать, чем ходить, и с каждым днем мой окрепший организм набирал спортивную форму.

– Отдыхай и займись костром, а я сбегая что-нибудь подстрелю, – приказал я шаку.

Долго искать добычу не пришлось, и уже через двадцать минут я вернулся на холм с подстреленным оленем. Шак начал свежевать добычу, а мне удалось немного подремать. Во сне на меня снова нахлынули воспоминания из прошлой жизни.

Мы плыли на речном трамвайчике по Москве-реке в компании одноклассников, празднуя окончание школы. Теплую июньскую ночь заполняли звуки музыки, голова кружилась от выпитого шампанского и вина. Я вышел на верхнюю палубу проветриться и покурить. За мной увязалась Лариса, девчонка из параллельного класса, и полезла целоваться. Я был не настолько пьян, чтобы поддаваться на провокацию. Меня на нижней палубе ждала Катя, моя первая любовь, на которую у меня сегодня были особые планы. Мокрые губы Ларисы облизывали все лицо, но я активно сопротивлялся. Лариса распалилась до такой степени, что полезла своим языком мне в рот, пытаясь изобразить французский поцелуй. У нее изо рта несло перегаром и табаком, и меня чуть не вытошнило, и в этот момент на трапе показалась Катя. Я оттолкнул Ларису и открыл глаза.

Оказалось, что во сне я целовался не с Ларисой, а с Тузиком, который таким способом пытался меня разбудить. Его мокрый шершавый язык намочил всю мою физиономию.

– Хозяин, обед готов, – позвал к костру Первый.

Я не стал заставлять себя упрашивать и принялся за еду. Мой личный повар, как всегда, оказался на высоте, изумительный суп из оленины сам просился в желудок, но спокойно поесть нам не дали. На дороге со стороны Кайтона показались ауры большого отряда, идущего в нашу сторону. Мы быстро доели суп и легли на землю, замаскировавшись в кустах. Через полчаса мимо нас проследовал большой отряд афров, нагруженный разным барахлом и ведущий на веревке пятерых пленниц. По всей видимости, они где-то недалеко разграбили караван, а теперь возвращались с добычей в свою деревню. Пленницы были одеты в арбскую одежду, а их лица закрывала чадра. Отряд проследовал мимо холма и скрылся за поворотом.

– Первый, быстро собираемся – и вперед. На месте боя должно что-то полезное остаться.

Шак шустро свернул лагерь, и мы побежали по следам дикарей. Через пару километров дорога вывела нас на перекресток, где следы повернули на проселок, ведущий на север. Нам пришлось бежать почти час, пока мы не вышли к месту побоища. Вдоль дороги стояли десять разграбленных телег, из которых дикари выпрягли лошадей, а на земле лежали трупы убитых. Афры повеселились вволю, многие покойники оказались изрубленными буквально на куски, и вся дорога оказалась залита кровью несчастных. Я насчитал двадцать два трупа.

Геон уже приучил меня к виду своей и чужой крови. Покойники воспринимались как неизбежное зло, поэтому отвращения я не испытывал и спокойно занялся мародерством. За последнее время мне приходилось обыскивать множество трупов, и я даже начал невольно радоваться, находя что-то полезное.

«Если дело и дальше так пойдет, то скоро человечину жрать научишься», – ехидно заметил внутренний голос.

«Да пошел ты, умник, куда подальше. Покойнику сапоги не нужны, а я все ноги сбил», – отбrehивался я, снимая очередные сапоги с трупа.

Мои мокасины, шитые шаком, рвались примерно через каждые два дня дороги, и ему приходилось делать новые из сырых оленьих шкур. Такая обувь была легкой, но очень ненадежной. Теперь передо мной был большой выбор кожаных сапог, снятых с ног убитых. К несчастью, покойники оказались все как на подбор низкорослыми, и их обувь не лезла мне на ноги. Выручил меня Тузик, отыскавший в кустах труп здоровяка. Парень получил стрелу в спину и успел далеко отбежать от дороги, пока не истек кровью. Несчастный оказался примерно моих габаритов, и я раздел его догола.

Дикари обчистили караван до нитки, а что не унесли, то переломали и испортили. Сапоги с покойников они не сняли, потому что ходили босиком. Эти сволочи даже все стрелы из убитых вырезали. Меня озадачил один странный факт. В караване я насчитал десять телег и только четыре убитых лошади, остальные куда-то исчезли. В отряде дикарей, который прошел мимо нас, лошадей не было. Значит, их куда-то увели. Лошади нам нужны были позарез, потому что пешком до Шателье добираться очень долго, да и груз на плечах таскать тяжело.

Следы лошадей нашлись недалеко от места побоища. Афры их выпрягли и увели за поворот дороги, после чего свернули в лес на звериную тропу. Отряд дикарей мы догнали через полтора часа. Тропа вывела нас на заросшую каменную дорогу, которая, в свою очередь, привела к каким-то развалинам. Мой магический взгляд сразу обнаружил мощный поток Силы, бьющий из земли в небо. Рядом с источником я обнаружил ауры одиннадцати человек и восьми лошадей. Лошади стояли в стороне, и их охранял один человек, остальные собрались возле источника.

Я приказал шаку спрятаться с Тузиком в кустах, а сам подкрался поближе к афрам. Мне удалось подобраться к ним метров на сто, когда из развалин донесся душераздирающий вопль и загрохотали звуки тамтама. По уму мне нужно было поскорее сматываться, но любопытство

взяло верх. Я пополз между камнями к небольшому зданию и полез на полуразрушенную стену. Звуки тамтама становились все громче, и из развалин послышались какие-то завывания, потом снова раздался вопль. Я спрятался за стеной на втором этаже и выглянул в оконный проем. Окно выходило на развалины древнего храма. Храм давно разрушился, и от него осталась только круглая площадка с остатками колонн. Площадка была расчищена от обломков, и на ней я увидел возвышение в виде шестиконечной звезды, напоминавшей звезду Соломона. Из центра каменной гексаграммы выходил поток Силы толщиной с телеграфный столб. Три луча звезды заканчивались каменными чашами с углублениями, повторяющими контуры человеческого тела, возле которых стояли воины с копьями. В двух чашах лежали голые трупы с отрезанными руками и ногами, а ручьи крови из расчлененных тел стекали в какое-то отверстие в основании чаш. Еще одного несчастного держали два шамана, а третий отрезал ему левую ногу чудовищной пилой с каменными зубьями. Жертва дико орала, но дикари спокойно продолжали свое кровавое дело. Я быстро оценил обстановку и приготовился стрелять. Шаманы ремнем перетянули жертве правую руку, и главный из них взмахнул серповидным ножом.

Сердце в груди застучало, как паровой молот, и я погрузился в транс. Первая стрела вошла под левую лопатку палача, и он начал заваливаться на свою жертву. Вторым шаманом дико завыл, получив стрелу в живот. Третий успел сделать только один шаг и забился в агонии со стрелой в горле. Все произошло за считанные секунды. Копейщики отреагировали очень быстро и, укрываясь за колоннами, бросились в мою сторону, поэтому мне удалось подстрелить только одного из них. Два копья одновременно влетели в окно и отскочили от стены за моей спиной.

«Идиоты, теперь без оружия остались», – подумал я.

Но хрен я угадал. Копья воинов на мгновение отогнали меня от окна, а они, воспользовавшись моментом, вынули большие кривые ножи и кубарем вкатились в развалины здания, из которых я стрелял по шаманам. Мне пришлось бросить лук и взяться за меч. Афры оказались ловкими, как кошки, и мне через считанные секунды пришлось схлестнуться с ними врукопашную. Воины действовали слаженно и нападали, не мешая друг другу. Мне, несмотря на мою быстроту, никак не удавалось зацепить хотя бы одного из афров, а время уходило, и запас Силы мог закончиться. В этот момент в развалины влетел Тузик и ухватил за ногу одного из воинов. Секундного замешательства мне хватило, чтобы зарубить одного из нападавших, а разделаться со вторым оказалось уже делом техники.

Мне с трудом удалось отдышаться и успокоить адреналиновую дрожь в руках. Следом за Тузиком в развалины, размахивая дубиной, вломился Первый и застыл на месте, увидев, что сражаться больше не с кем.

– Я тебе сказал, где меня ждать? – набросился я на шака. – Ты почему нарушил приказ? Где метатель, зараза?

– Хозяин, я не виноват, это Тузик. Он у меня вырвался и убежал, когда вопли услышал, а я за ним. Метатель я в кустах спрятал, – испуганно оправдывался шак.

– Ладно, прощаю в последний раз! Пошли к лошадям, там еще один недобитый афр остался.

Мы едва не опоздали: охранник, заметив, что у алтаря что-то не чисто, убежал в лес. Нам пришлось почти час гоняться за ним, пока дубина Первого не вышибла ему мозги. Обобрав убитого, мы вернулись к храму. Шаман со стрелой в животе оказался живучим и успел уползти в развалины, но Тузик быстро нашел подранка, а я дорезал его без сожаления.

Пока шак готовил лошадей к отъезду, я занялся осмотром алтаря. Чаши, в которых лежали уже обескровленные обрубки людей, оказались каменными сиденьями перед разрушенными пультами управления. Центр гексаграммы, из которого выходил поток Силы, окружали концентрические кольца оголенных кабелей, заглубленные в камень. Я насчитал шесть обмоток своеобразного трансформатора, расположенных вокруг отверстия в центре гексаграммы. От каждой обмотки к пультам управления шли жгуты проводов. На трех оставшихся лучах гек-

саграммы находились многочисленные углубления с катушками проводов и остатками каких-то электрических схем. По-моему, это была древняя зарядная станция для камней Силы. По приблизительным прикидкам, здесь могли заряжаться одновременно три сотни камней различного размера и емкости. От потока Силы буквально несло энергией, и на проводах катушек вспыхивали маленькие голубые молнии. Моя аура стала наполняться энергией без моего желания, просто впитывая разлившуюся вокруг Силу. Прошли тысячелетия, а разрушенный механизм все еще был наполнен энергией.

Закончив осмотр зарядной станции, я подошел к трупам главного шамана и стащил его с тела последней жертвы, у которой он успел отрезать одну руку и ногу. Содрав с покойного шамана амулеты, я посмотрел на его изувеченную жертву. Несчастный оказался человеком моего роста и возраста с обезображенным ожогами лицом и левым плечом.

«Товарищ по несчастью, – подумал я. – Тоже, наверное, под файербол попал, вон как лицо обожгло».

Перед тем как отрезать жертве конечности, дикари перетягивали их веревкой, которую потом разрезали, уложив обрубок в чашу, где несчастный истекал кровью.

– Экономные, суки, всю кровь в дело пускали, – выругался я.

Покойник неожиданно зашевелился и застонал. Я мгновенно погрузился в транс и начал сканировать ауру жертвы. Парень находился без сознания от болевого шока, но кроме ампутированных конечностей никаких других повреждений не имел. Подкачав его ауру Силой, мне удалось перевести его из состояния шока в гипнотический сон. Тело несчастного расслабилось, и он задышал более равномерно.

Закончив с раненым, я отправился за шаком. Первый уже связал лошадей веревкой в две цепочки, и все было готово к отъезду. Разбираться с трофеями времени не было, и мы решили сначала отъехать от развалин как можно дальше, чтобы обезопасить себя от преследования. Я рассказал шаку о раненом, мы забрали одну из лошадей и вернулись к алтарю. Раненый самостоятельно сидеть на лошади не мог, и нам пришлось привязать его к седлу, предварительно забинтовав раны и накрыв голое тело попоной.

– Первый, ты присматривай за ним, чтобы не свалился с лошади по дороге.

Больше в развалинах нас ничего не задерживало, и караван отправился в путь.

Глава 7

У МЕНЯ НОВОЕ ИМЯ

Лошадей мы гнали, не останавливаясь до самой темноты. Задача обезопасить себя от погони стояла на первом месте. Я отвык за три месяца от верховой езды, и моя многострадальная пятая точка вся покрылась синяками. В придачу ко всему у меня сильно сосало под ложечкой, но приходилось терпеть голод. Раненый несколько раз начинал биться в конвульсиях и громко стонать, и его снова приходилось погружать в забытие при помощи Силы. Парня сильно растрясло на лошади, но мы не могли останавливаться. Тузик уже не бежал впереди нас, а плелся позади с высунутым языком.

«Пора останавливаться на ночевку», – решил я и дал команду сворачивать с дороги в лес.

Звериная тропа вывела нас к ручью с песчаным дном и чистой водой. Я повел караван по дну ручья вверх по течению. Через полкилометра мы выехали на поляну, окруженную скалами, и разбили лагерь. Место оказалось удачным, и у меня возникла мысль задержаться здесь на некоторое время, чтобы разобраться с трофеями и раненым. Скалы полукругом окружали наш лагерь, ручей переходил в болото, и нападения можно было ожидать только с одной стороны.

Мы с Первым расседлали и стреножили лошадей, а потом пустили пастись. Одна из скал нависала над поляной, создавая подобие грота, в котором мы и уложили раненого, а сами занялись подготовкой к ночевке. Шак разжег костер и приготовил еду, а я перетаскал трофеи под навес скалы. Раненый все еще находился без сознания и требовал немедленной помощи и лечения. Для начала я устранил воспаление на обрубках конечностей и постарался снять боль, а потом удалил разрывы в истощенной ауре. Аура на месте ранений пульсировала, и по нервам в мозг волнами направлялись какие-то импульсы. Каждый раз, когда такой импульс достигал головного мозга, раненый кривился от боли. Лучом Силы мне удалось разрушить нервные волокна немного выше раны, и парень перестал дергаться. За последнее время из меня начал получаться нехилый лекарь, и за жизнь парня можно было не беспокоиться. Восстановление ауры пациента прошло на «отлично», но я знал, что без биологической подпитки эффект окажется временным. Для полного восстановления парню требовалась обильная еда, и как можно быстрее.

От костра доносились ароматы готового ужина, и через некоторое время Первый доложил, что все готово. Мы быстро поели, и шак завалился спать. С недавнего времени я отменил ночные дежурства, потому что с охраной отлично справлялся Тузик, а у нас просто не оставалось сил после дневных забегов. Малхус увлеченно грыз большую кость с остатками мяса, а я вернулся к раненому с котелком и ложкой.

«Сначала нужно снять с него блокировку сознания, а потом попытаться разбудить», – решил я.

Мои усилия увенчались успехом, мозг раненого активизировался, и он начал приходить в себя. Открыв глаза, парень заорал как сумасшедший и забился в истерике.

«Блин, нужно было рожу себе чем-нибудь замотать, а то от такого зрелища любой в обморок упадет», – дошла до меня причина истерики.

– Спокойно, парень, никто тебя не обидит, кругом свои.

Процедура лечения плавно перешла в сеанс психотерапии. Парень рыдал и бился как припадошный, увидев обрубки вместо левой руки и ноги. Я пытался его успокоить, но мне это плохо удавалось.

– Твари, что они со мной сделали?! Как я теперь буду жить дальше, кому я теперь нужен?! – вопил несчастный. – Убью гадов, на куски порежу!

– Успокойся, лучше поешь супа, а то сил у тебя и так мало, а ты их на истерику тратишь, – совал я котелок и ложку парню.

– Как я одной рукой есть буду? Лучше мне издохнуть! – продолжал он биться в истерике.

– Заткнись и ешь суп! – не выдержал я. – Твои товарищи уже на том свете, они сейчас порезанные на куски на алтаре лежат, а ты живой остался. Подумаешь, руки и ноги нет, – нес я какую-то ахинею, – люди без глаз и парализованные живут, а тебе только протез сделать, и будешь скакать как новый. На мою рожу посмотри, ты по сравнению со мной красавчик. Я совсем недавно живьем гнил, и меня черви жрали, два месяца под себя ходил.

Как ни странно, но мои слова успокоили парня, и он начал есть суп из котелка. На наш ор прибежали Первый с Тузиком, но я их сразу прогнал, чтобы не отвечивали. Парень поел, и я снова погрузил его в гипнотический сон, а сам отправился спать к костру.

* * *

Утро началось новыми проблемами. К обычным делам прибавилась забота о калек. После завтрака мы с Первым занялись сортировкой добычи. В основном это была бесполезная ерунда: дешевые украшения, ткани и безделушки. Из оружия нам достались копья и ножи убитых нами воинов и колчан со стрелами, луков, к сожалению, мы не нашли. Все вооружение, наверное, унес с собой отряд, встреченный нами по дороге, а шаманы забрали лошадей и пленников для ритуала жертвоприношения. Среди трофеев я нашел три комплекта одежды и обуви, скорее всего принадлежавшие предназначенным в жертву пленникам. Вместе с ними лежали три пояса с сумками и кошельками. Меня поначалу напрягало отсутствие карманов на одежде жителей Геона, но их с успехом заменяли широкие кожаные ремни, похожие на португальские. К ремню на кольца подвешивались ножны с оружием, кошельки, небольшие борсетки. В потайных отделениях можно было спрятать деньги и другие мелкие ценности. Денег в трофеях оказалось немного, но в одной из сумок лежали какие-то свитки и небольшой портрет симпатичной девушки.

– Парень, это твои вещи? – указал я на принесенную мной охапку одежды.

– Не все, это вещи Лемма и Гарика, а вот эти мои, – сказал парень и, подобрав портрет, начал всхлипывать.

– Опять за старое? Хватит ныть, давай я осмотрю раны, а потом шак тебя помоем и переоденет.

Осмотр показал, что культы обрубков затянулись розовой кожей и не кровоточили, повязки уже не требовались, и я отдал раненого на руки Первому. Через полчаса парень, вымытый и одетый, сидел у костра, уплетая из котелка остатки супа. Дождавшись, когда он поест, я приступил к расспросам:

– Теперь рассказывай, кто ты и откуда, как попал сюда.

– Меня зовут Валлин Бартолин, я кузнец из Шателье, ехал с караваном в Керану по делам.

– Врешь, никакой ты не кузнец, а наемник, и рожу тебе пожгли файерболом, а не в кузнице. Руки у тебя под меч заточены, а не под молот, и на теле есть старые шрамы от меча. Говори правду, а то оставлю в лесу к чертовой матери, а сам дальше поеду.

– Я правду говорю, у меня и документы есть, вон в той сумке лежат.

Я достал сумку и высыпал ее содержимое на землю перед Валлином.

– Вот это моя именная грамота, это свидетельство о демобилизации по ранению, это завешание и купчая на кузницу.

– Ладно, проверим, а теперь рассказывай мне все по порядку, где родился, где крестился, кто родители. Главное, не ври, у меня есть способы проверить, – предупредил я и грозно посмотрел на парня.

Моя зверская рожа произвела на Валлина должное впечатление, и он начал свой рассказ:

– Родился я двадцать семь лет назад в поселке Наемники недалеко от Фьера. Мой отец служил во «Втором Легионе» оружейником. Когда мне исполнилось десять лет, отец ушел в отставку, и мы переехали во Фьер. В городе он открыл оружейную мастерскую. Все было нормально, но шесть лет назад наш дом сгорел вместе с мастерской. То ли поджег кто-то или само загорелось, только отец с матерью и сестренка сгорели в доме. Я в это время был в гостях у невесты. Вернулся домой, а там одни головешки: ни денег, ни вещей, ни документов, ничего не осталось. Похоронил я родню, продал землю под домом и завербовался в пограничную стражу на границу с Чинсу. Год назад во время штурма замка мятежного барона попал под бадью с горящим маслом, тогда я практически ослеп и меня комиссовали. Полгода провалялся в армейском госпитале в Мэлоре, пока зрение не восстановилось. За неделю до выписки в госпиталь пришло письмо, в котором имперский нотариус извещал меня, что умер мой родной дядя Андреас и оставил в наследство кузницу в Шателье. Я перебрался в Шателье, но вступить в права наследования так и не смог. У дяди оказалась жена, которой я должен был заплатить пятьсот серебряных империалов отступного за кузницу. Я эту тварь только два раза и видел, молодая, стерва, красивая, правда, бесплодная. Она дядю в могилу свела, наверное, затрахала до смерти. Откуда у меня такие деньги? Через два месяца истекает срок выплаты отступного, и кузница перейдет к Лили, так зовут эту сучку. В городе я случайно встретил Торвина, земляка из Фьера, он служил с отцом во «Втором Легионе». Я рассказал ему о своих бедах, и он пообещал дать мне займы денег на выплату отступного и налогов за кузню, если я съезжу в Кайтон и разыщу хумана Колина, гвельфийку Вikanу и какого-то Ингара. Мы пошли к магу и скрепили сделку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.